

МОСКОВСКИХ ЦЕРКВНЫХ ВЪДМОСТЕЙ

Годъ XXXIX.

Еженедѣльное
изданіе.

26 августа 1907 г.

№ 34.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
«Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за
строку или мѣсто строки: за 1
разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за
3 раза 70 коп., на годъ—по осо-
бому условію.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Подписная цѣна: безъ до-
ставки на годъ 3 р. 50 к., на
полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.
Съ доставкою и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.
Отдѣльные №№ по 10 коп.
Продаются во всѣхъ кіоскахъ
города Москвы.

Отъ попечительнаго общества о Домѣ Трудолюбія въ С.-Петербургѣ для
мужчинъ съ общежитіемъ и трудовомъ убѣжищѣ для увѣчныхъ воиновъ
утратившихъ вполнѣ трудоспособности, вѣдѣнія попечительства о до-
махъ трудолюбія и работныхъ домахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ
покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы
Александры Ѳеодоровны.

Общество, за интересы коего воины проливали свою кровь,
обязано заботиться о тѣхъ изъ нихъ, кои, вельдствие получен-
ныхъ увѣчій, лишены возможности обходиться безъ посторонней
помощи.

При Домѣ Трудолюбія учреждено трудовое убѣжище для
увѣчныхъ воиновъ, не утратившихъ вполнѣ трудоспособности. Въ
этомъ убѣжищѣ увѣчнымъ воинамъ, безъ различія вѣроисповѣ-
данія и происхожденія, предоставлены бесплатно полное содер-
жаніе и подходящая ихъ слабымъ силамъ работа при вполнѣ
гигіеническихъ условіяхъ вплоть до того времени, когда они бу-
дуть устроены на мѣстахъ. Непреклоннымъ желаніемъ Ея Импе-

раторскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны является широкое устройство будущности увѣчныхъ воиновъ, число коихъ превышаетъ сто тысячъ человекъ. Часть этихъ воиновъ, со всѣхъ концовъ Россіи являясь въ Петербургъ, остается буквально безъ крова и пищи.

Для увеличенія средствъ Правленія Попечительнаго Общества предпринято изданіе „портрета Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича“.

Во избѣжаніе плачевныхъ инцидентовъ, имѣвшихъ мѣсто въ другихъ благотворительныхъ обществахъ, вслѣдствіе функционирования лжеуполномоченныхъ, Правленіе честь имѣетъ сообщить, что командированный въ Московскую губернію членъ общества Е. А. Поповскій исключительно для распространенія упомянутыхъ портретовъ, снабженъ надлежащимъ удостовѣреніемъ Правленія отъ 2 января с. г. за № 147 и соотвѣтствующими квитанціями за его печатью.

Къ свѣдѣнію о.о. Законоучителей Московскихъ городскихъ училищъ.

Наблюдатели за преподаваніемъ Закона Божія въ Московскихъ городскихъ училищахъ покорнѣйше просятъ о.о. Законоучителей доставить имъ, въ возможной скорости, росписаніе своихъ уроковъ въ сихъ училищахъ.

Соціалъ-демократія и естественная наука¹⁾.

(Продолженіе. См. № 33).

Кто руководится простымъ здравымъ разумомъ, не можетъ не поставить дарвинизму и другихъ еще вопросовъ. Между человѣкомъ и обезьяною существуетъ громадная разница, широкая пропасть въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи. Здѣсь мы разумѣемъ силу человѣка, языкъ, способность мыслить, составлять понятія, вызывать къ бытію культуру и передавать по наслѣдству дальнѣйшему потомству такія наслѣдія, которыя недоступны обезьянамъ и, конечно, еще менѣе были доступны общему прародителю человѣка и обезьяны. Сколько времени должна была употребить природа на то, чтобы наполнить эту вторую бездну? Сколько новыхъ породъ должна была она произвести и воспитать для этой цѣли?

¹⁾ Изъ книги Флейшмана „Противъ соціалъ-демократіи“, переводъ съ нѣмецкаго М. В.

Дарвинизмъ, исчисляющій время мірообразованія миллиардами лѣтъ, и здѣсь также щедро наброситъ миллионы лѣтъ. Но въ такой громадный промежутокъ времени необходимо должно было образоваться много новыхъ породъ, состоящихъ изъ миллионовъ индивидуумовъ, снабженныхъ крѣпкими костями, изъ которыхъ самыя сильныя и породныя снова бы соединялись, чтобы производить на свѣтъ все болѣе и болѣе совершенныхъ человѣко-обезьянъ или обезьяно-человѣковъ. Тѣ изъ этихъ живыхъ существъ, которыя появлялись ближайшимъ образомъ предъ человѣкомъ, необходимо должны во всѣхъ отношеніяхъ стоять несравненно выше своихъ родственниковъ, теперешнихъ обезьянъ. Но куда же дѣвались эти многочисленныя породы и племена крѣпко сложенныхъ существъ? Почему они исчезли, а обезьяны продолжаютъ существовать и доселѣ? Послѣднія поколѣнія этихъ человѣкообразныхъ обезьянъ необходимо должны были еще долгое время жить вмѣстѣ съ первыми поколѣніями теперешнихъ людей, они необходимо должны были войти въ нашу исторію или, по крайней мѣрѣ, сохраниться въ нашемъ воспоминаніи, — а между тѣмъ объ этомъ нигдѣ ни слѣда. Но тогда вѣдь должны бы были сохраниться въ послѣдней формациі земли въ большемъ количествѣ ихъ скелеты или остатки отдѣльныхъ костей... Послѣднія человѣкообразныя обезьяны, навѣрно, жили тамъ, гдѣ мы находимъ мѣстопробываніе первыхъ людей, которые, по ученію Дарвина, отъ нихъ и произошли. Гдѣ же эти общія коренныя формы? Гдѣ остовы обезьяно-человѣка? Гдѣ хоть одна, по крайней мѣрѣ, кость его? Нигдѣ — ни слѣда. Одинъ добросовѣстный естествовѣдъ сказалъ поэтому однажды: единственная кость такого переходнаго созданія была бы для меня лучше, чѣмъ сотня новыхъ, смѣлыхъ гипотезъ.

Противъ такого упрека дарвинизмъ не замедлилъ употребить увертку, говоря, что подобныя остатки необходимо гдѣ-нибудь должны находиться, но только они еще не открыты. Истинная наука устанавливаетъ свои положенія только тогда, когда всѣ документы и доказательства бывають на лицо, и Вигандъ справедливо задаетъ такой вопросъ: „Что сказали бы о томъ историкѣ, который выступилъ бы съ новымъ важнымъ утвержденіемъ

и въ то же время заявилъ бы, что источники, изъ коихъ можно почерпнуть доказательства этой истины, навѣрно существуютъ, но они доселѣ еще не найдены?“

Геккель приходитъ къ дарвинизму въ его затрудненіи на помощь. Онъ предполагаетъ цѣлую исторію рода, изображенную въ исторіи зарожденія отдѣльнаго индивидуума (біогенетическое основаніе). Слѣдовательно, какъ совершается развитіе отдѣльнаго человѣка изъ ячейки до рожденія въ свѣтъ, такъ развивалось мало-по-малу и все человѣчество. Въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ естествоиспытатель прочитываетъ, слѣдовательно, безконечно длинную исторію развитія человѣчества. Это—такого рода утвержденіе и притомъ очень важное, для подтвержденія котораго каждый въ правѣ требовать доказательства. Если я хочу доказать сходство двухъ предметовъ или событій, то мнѣ необходимо сдѣлать это или чрезъ сличеніе, которое дѣлается возможнымъ только чрезъ точное знаніе сравниваемыхъ явленій, или же слѣдуетъ показать, что одно явленіе вызвало другое подобное. Но Геккель такъ же мало можетъ сравнивать человѣка съ человѣчествомъ, какъ Шопенгауеръ—микрокозмъ съ макрокозмомъ, такъ какъ онъ совершенно не знаетъ порядка развитія человѣчества. Но онъ не доказалъ также и того, что развитіе человѣчества необходимо должно было вызвать такой именно ходъ развитія и у отдѣльнаго человѣка. Онъ поставляетъ здѣсь въ связь два такихъ явленія, которыя пока для нашего пониманія такъ же мало имѣютъ связи между собою, какъ перемѣна луны съ перемѣною погоды. Если же Геккель хочетъ отъ развитія отдѣльнаго человѣка сдѣлать заключеніе къ ходу развитія цѣлаго человѣчества, то ему необходимо знать, что это заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ еще можетъ не дать вѣрнаго вывода. И если находятъ зародышъ человѣка гораздо болѣе похожимъ на зародышъ собаки, чѣмъ взрослый человѣкъ на взрослую собаку, то эта разница полностью заключается уже и въ зародышѣ, хотя наука еще не открыла, а, можетъ быть, и не откроетъ ея и въ будущемъ. Съ увѣренностію можно предположить, что зародыши человѣка и собаки точно такъ же различны, какъ и взрослые экземпляры.—Подобное нужно сказать и о томъ утвер-

жденіи, что коренныя формы лягушки необходимо должны быть формою рыбы, такъ какъ бычекъ бываетъ подобнымъ рыбѣ. Но бычекъ не есть рыба, и чтобы между этими явленіями существовала какая-нибудь внутренняя связь, на это у насъ нѣтъ доказательствъ. Но Геккель поступаетъ по извѣстному положенію: такъ какъ я представляю себѣ эту вещь именно такимъ образомъ, то она и должна быть таковою, и если низшія конечныя формы—какъ это большею частію и бываетъ—несогласны съ зародышными состояніями высшей формы, то филогенезія выдается за „фальшивую“. Природа здѣсь—какъ и въ другихъ случаяхъ—наильно втискивается въ русло системы.

Сказанное, хотя и направленное болѣе противъ частностей системы, должно уже достаточно ясно показать дарвинизму достоинство его гипотезы. Выслушаемъ, далѣе, сужденія объ этой системѣ тѣхъ осторожныхъ и добросовѣстныхъ специалистовъ, которые хладнокровно обсуждаютъ это ученіе, такъ горделиво и побѣдоносно выдвигаемое въ качествѣ новаго откровенія.

Вся эта система, говорить одинъ изъ нихъ, домогается невозможнаго. Разница между двумя различными породами, семействами, поколѣніями и т. д. не кое-какая, не значительная, а—фундаментальная; она основывается на совершенно другой конструкціи, на различномъ основномъ планѣ. Преобразование изъ одной породы въ другую даже въ теченіе милліоновъ лѣтъ является такъ же невозможнымъ, какъ невозможно превратить казармы какими угодно пристройками и переустройками въ готическій домъ. Нигдѣ и никогда червякъ, не приобрѣтетъ никакихъ индивидуальныхъ перемѣнъ, не приобрѣтетъ характера позвоночнаго животнаго.

Другое сужденіе дѣлаетъ возраженіе въ томъ смыслѣ, что по собственному ученію Дарвина, на землѣ не должно бы и не можетъ существовать никакихъ низшихъ формъ животныхъ, такъ какъ съ появленіемъ высшихъ формъ низшія необходимо должны исчезать. Но теперь существуетъ вся полнота высшихъ и низшихъ формъ ненарушимо рядомъ другъ съ другомъ, и каждая такъ же солидно сложена и для своей цѣли такъ же хорошо приспособлена, какъ и другая. При этомъ нужно сказать, что

въ борьбѣ за существованіе животное съ простою конструкціею, потребности котораго легко удовлетворяются, даже лучше поддерживается и сохраняется, чѣмъ болѣе сложно устроенное, легко разрушаемое, существованіе котораго сопряжено со многими болѣе сложными и запутанными и болѣе трудными условіями. Какую пользу, такъ спрашиваетъ однажды самъ Дарвинъ, получилъ бы кишечный червь оттого, если бы его организація была выше? Этимъ вопросомъ онъ самъ произнесъ судъ надъ своею системою.

Другая причина указываетъ на то, что все ученіе Дарвина о развитіи основано собственно на чистѣйшей случайности. Не бываетъ ли такъ, что совершенно маленькое, сначала почти незамѣтное, измѣненіе въ какомъ-нибудь индивидуумѣ въ ближайшемъ поколѣніи уже совсѣмъ пропадаетъ? Если при наступленіи голода уничтожались всѣ животныя до прародителя нашего теперешняго жирафа, который, посредствомъ длинной шеи, можетъ доставать листья на деревѣ, то конецъ всему... Если же теперь между этими вырастающими жирафами нѣкоторые снова приспособили себѣ болѣе длинную шею, чѣмъ другіе и потому при вторичномъ голодѣ, доставая для питанія себя листъ на деревьяхъ, остались живы, тогда какъ всѣ съ короткими шеями коллеги ихъ подошли съ голода, то это есть уже очень невѣроятная исторія. Но что вслѣдствіе наступленія болѣе десяти такихъ голодовокъ, при которыхъ каждый разъ кандидаты жирафовъ съ болѣе длинными шеями всегда достаютъ листья на высокихъ деревьяхъ и потому одни только остаются въ живыхъ, что это бѣдствіе отъ голода продолжалось до тѣхъ поръ, пока не подготовился намъ теперешній жирафъ, то здѣсь дѣло идетъ о той „сказкѣ о бобахъ“, которая должна быть отмѣчена какъ самая замѣчательная и самая странная, какія только существовали отъ начала міра. Не менѣе замѣчательнымъ является при этомъ тотъ фактъ, что подлѣ и вмѣстѣ съ жирафами встрѣчается множество такихъ, давно существующихъ, животныхъ, которыя равнымъ образомъ счастливо, кажется, выдерживали и преодолѣвали чистый кризисъ древесныхъ листьевъ.

А вотъ и еще другое замѣчаніе, по которому Дарвинъ

при всемъ своемъ стараніи удалить изъ природы понятіе о цѣли, не могъ, однакоже, этого сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, если сообразить, сколько времени, по Дарвину, міръ животныхъ долженъ былъ употребить на то, чтобы настолько образовать глаза и уши, чтобы можно было дѣлать изъ нихъ употребленіе, въ продолженіе сколькихъ тысячелѣтій многія поколѣнія проработали надъ этими отверстіями въ головѣ, не имѣя отъ нихъ ни малѣйшей пользы, то тутъ необходимо нужно предположить—какъ и въ другихъ случаяхъ—планомѣрную, цѣлесообразную работу. И замѣчательно, что въ то время, какъ Дарвинъ всѣ свои силы напрягаетъ къ тому, чтобы устранить изъ природы цѣль, онъ самъ же для объясненія фактовъ пользуется цѣлесообразностію.

Упомянутый профессоръ Вигандъ, который лучше всѣхъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ основательныхъ возраженій противъ дарвинизма, вполне справедливо говоритъ объ этой системѣ, что она не даетъ того, что обѣщала, не объясняетъ того, что хотѣла объяснить. Когда при объясненіи развитія природы—и это кажется мнѣ выстрѣломъ въ потемкахъ—на мѣсто большихъ „скачковъ“ и маленькихъ промежутковъ времени ставятъ малые скачки и большіе промежутки времени, то это не что другое, какъ софистика, которая собственно причину этихъ прыжковъ „измѣненія“ такъ же оставляетъ необъясненными, какъ прежде. Вообще—такъ заявляетъ названный выше естествоиспытатель—всѣ эти теоріи допускаютъ нѣчто такое, чего наука не въ состояніи обосновать. Если бы были правы Дарвинъ и Геккель, то они необходимо должны были бы подмѣнить не только ячейки, но и весь органическій міръ, даже могли бы чрезъ разумный прикладной подборъ породъ сообразовать еще лучше, они вмѣстѣ съ этимъ могли бы взять на себя прямо творческую роль. И тогда мы могли бы не доискиваться, почему существуетъ твореніе, почему оно существуетъ именно въ такомъ видѣ, почему изъ этой причины вытекаетъ именно это слѣдствіе.

Вигандъ объявляетъ поэтому дарвинизмъ двуполымъ порожденіемъ—философіи и естественной науки, которая именно потому и не даютъ того, чего отъ той и отъ

другой въ частности требуютъ и ожидаютъ. И поэтому дарвинизмъ никогда не можетъ принести пользы своею гипотезою и можетъ только увлечь естественную науку на ложный, побочный путь.

„У Дарвинизма есть заслуга“, такъ выразился однажды Вирховъ, и эта заслуга въ пополненіи нашего знанія, которая и должна при немъ и остаться. Какъ поступалъ онъ съ человѣческимъ знаніемъ во всѣхъ этихъ вопросахъ, это было показано выше, и если христіанство не имѣетъ нужды сдаваться на капитуляцію и преклоняться предъ знаніемъ въ его теперешнемъ видѣ, то еще менѣе нужды для него оставлять поле битвы предъ гипотезою. Впрочемъ, нужно замѣтить, что дарвинизмъ, несмотря на свои сильные аргументы, направленные противъ вѣры въ Творца вселенной, все же въ своихъ основаніяхъ не такъ враждебенъ Ему, потому что если даже во всемъ уступить ему, однакоже мы имѣемъ право спросить его, кто же все это отъ начала устроилъ такъ, что необходимо долженъ былъ развиться именно этотъ міръ?...

Но великій вредъ причинили тѣ послѣдствія, которыя произошли изъ ученія Дарвина. Проклятіе такой гипотезы заключается въ томъ, что народная толпа принимаетъ ее за чистую монету, когда она предлагается ей въ такомъ самоувѣренномъ тонѣ. Успѣхъ дарвинизма въ этомъ отношеніи былъ необычайный: онъ отравлялъ всѣ наши сословія и поколѣнія. Онъ, по причинѣ своей философской окраски, сдѣлался болѣе любимымъ воззрѣніемъ, чѣмъ естествознаніе, онъ сталъ въ настоящее время религіею многихъ образованныхъ и полуобразованныхъ людей. Весьма немногіе изъ нихъ когда-нибудь видѣли или даже читали произведенія Дарвина и Геккеля, но довѣрчивую массу знакомятъ многія популярныя современныя сочиненія, которыя заботятся о томъ, чтобы каждое открытіе и гипотеза естественной науки какъ можно шире распространялись въ народѣ, при чемъ обыкновенно тенденціознымъ образомъ прикрывается всякая прорѣха, и всякая догадка выдается за достовѣрное. Какой-нибудь диллетантъ, при поощреніи спекулянта — издателя, который знаетъ, на какія произведенія большій спросъ или, какъ говорится, что именно „идеть“, напишетъ за ночь

поверхностную, снабженную смѣлыми догадками „исторію культуры“, въ которой борьба за существованіе играетъ роль правителя міра. И если на академическомъ учительскомъ стулѣ преподаватель еще осторожно обращается съ словами „долженъ былъ“, могъ“, то для дитяти въ народной школѣ „происхожденіе человѣка отъ обезьяны“ является установленнымъ, доказаннымъ, дѣйствительнымъ фактомъ. А если при этомъ еще на того, который имѣетъ свое мнѣніе противъ такой системы, начнутъ смотрѣть съ пренебреженіемъ, пожимая плечами, то каждый, не желающій лишиться названія образованнаго человѣка, скоро оставляетъ свое истинное міровоззрѣніе и примыкаетъ къ міровоззрѣнію Дарвина. А что разъ свило себѣ гнѣздо въ головѣ, то трудно бываетъ снова выгнать оттуда.

Такъ легко ученіе Дарвина со всѣми его послѣдствіями не могло бы овладѣть нашимъ поколѣніемъ, по крайней мѣрѣ, эта система не отравила бы его такъ быстро, если бы въ немъ ранѣе не существовало болѣзней воспріимчивости для такого ученія. Наклонность къ удовольствіямъ и чувственнымъ наслажденіямъ въ немъ существовали уже и прежде; къ этому присоединилось еще сильное самолюбіе и корыстолюбіе, которое дарвинизмъ представляетъ какъ единственное вѣрное средство въ борьбѣ за существованіе и, такимъ образомъ, созрѣли тѣ плоды, которые вкусили мы въ періодъ времени послѣ 1870 г. и которые правильно понять и оцѣнить можно только съ этой точки зрѣнія. Только тогда встрепенулись и пришли въ ужасъ образованные люди, когда социаль-демократія приняла эту религію и обнаружила ея послѣдствія, при чемъ совершенно послѣдовательно, съ правомъ болѣе сильнаго, простерла руку къ владѣніямъ высшихъ сословій. Но эта религія неимущихъ, созданная дарвинизмомъ, еще долго будетъ продолжаться, если эта система въ головахъ имущихъ уже не приготовила мѣста другой „системѣ“.

Дарвинизмъ есть не что иное, какъ работникъ матеріализма, и потому справедливо, какъ кажется, былъ признанъ должною наукою.

(Продолженіе слѣдуетъ).

207

По крестьянскимъ хатамъ.

(Изъ воспоминаній сельскаго священника. Продолженіе).

При наблюденіи надъ душевной жизнію можно услѣдить, какъ нерѣдко темная сила подстерегаетъ добрые порывы сердца и ставитъ имъ на пути разныя препятствія. Только человѣкъ воодушевился, загорѣлся свѣтлымъ стремленіемъ, глядь неожиданно черезъ людей или черезъ обстоятельства такъ и вонзается въ сердце охлаждающая струя.

Спускался тихій сентябрьскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ, которыми увядающая природа на прощаньѣ ласкаетъ своихъ любителей. Небо безоблачно. Тихо. Рѣка точно стеклянная. Серебряныя нити паутины плавно мелькали въ прозрачномъ воздухѣ. Паркъ золотился прощальною красотою. Дома не усидишь. Напился чаю и вышелъ. Солнце садится. Куда идти? Въ село,—озарила мысль. Крестьяне окончили теперь молотьбу, примутся за чай, попробую сходить къ кому-нибудь. Иду. Только что поровнялся съ церковію, вижу у самой иконы, что въ оградѣ противъ алтаря, качаются два пьяненькихъ мужичка и беспощадно срамословятъ. Загорѣлось мое сердце. Вспомнилъ: *обличи и вразуми...* И обличилъ, но кажется слишкомъ рѣшительно, можетъ быть, черезъ край. „Какъ вамъ не стыдно, говорю, напились хуже свиней и не замѣчаете храма Вожьяго и себя, и воздухъ-то кругомъ оскверняете своимъ безобразіемъ“. Одинъ изъ нихъ портной,—смирнѣющее въ трезвомъ видѣ существо. Жду—вразумятся мои прихожане, перестанутъ браниться, пожалуй еще прошенія попросятъ. Не тутъ-то было. „А тебѣ, батька, какое дѣло? Слышу въ отвѣтъ. Мы тебя не трогаемъ. Иди себѣ. А учить насъ подожди маленько, усовъ еще себѣ не выростишь. О. Петръ 20 лѣтъ жилъ, насъ не касался. О. Александръ не тебѣ чета, весь крестами увѣшанъ былъ, и тотъ не лѣзъ, когда его не спрашивали. Знайте свои панафиды, да молебны и собирайте себѣ за нихъ въ большіе карманы. Вотъ ваше поповское дѣло“. И полилась, полилась скверная, бессмысленная брань. Чувствую, неумѣло подошелъ съ обличеніемъ, только разжегъ пожаръ. Лучше уклониться пока отъ нихъ. Къ счастью, калитка въ паркъ открыта: я свернулъ въ нее и въ горькомъ раздумьѣ остановился среди роскошнаго цвѣтника. Брань удаляющихся пьяныхъ еще, что называется, висѣла въ воздухѣ, а цвѣты, еще не убитые морозомъ, блистали своей пышной красотой; такъ хорошо было въ уголкѣ

сада среди свѣтлыхъ сумерекъ угасающаго дня. Господи! Какъ прекрасна Твоя природа, и какъ жалокъ, грязень бываетъ иногда среди нея ея же царь-человѣкъ. Больно, до слезъ больно, на душѣ. Точно пришибленный побрелъ я по дорожкѣ, и долго, долго до глубокой ночи полный усталости бродилъ по темнымъ аллеямъ. Дома не ужиналъ, легъ грустный и ночь не спалъ. На утро, однако, разобрался въ пережитыхъ впечатлѣнiяхъ и думаю: молодушно при первой, хотя и рѣзкой неудачѣ, отказаться отъ намѣченнаго плана, и рѣшилъ вечеромъ опять направиться въ село. На этотъ разъ погода была сѣрая, накрапывалъ дождикъ. Это лучше, по крайней мѣрѣ всѣ дома. Подхожу къ селу и рѣшаю: зайду въ ту хату, гдѣ позовутъ. Но полслободы прошелъ, никто не зоветъ, хотя кланяются такъ привѣтливо. Наконецъ одна старушка болѣе другихъ мнѣ знакомая, какъ общесельская стряпуха-любительница по поминкамъ, свальбамъ, разговорилась со мною. „Да что жъ это мы на улицѣ-то стоимъ, у насъ самоваръ поспѣлъ, зайдите, батюшка, чайку откушать! Молодцы мои всѣ дома, только самъ старикъ грѣховодникъ до ночи въ трактирѣ засидѣлся“. Вхожу. Впечатлѣнiе прiятное. Въ большой, чистой избѣ, около огромнаго самовара собралась семья. Три сына съ женами и человѣкъ 10 малолѣтокъ. Встрѣтили меня привѣтливо, но не безъ удивленiя. Минуты двѣ длилось тягостное молчанiе. Словоохотливая старуха однако выручила: начала про погоду, про уборку хлѣба, а потомъ дошла до нашей церковной жизни; постепенно разговоръ сталъ общiй,—принужденность исчезла, и я уже въ душѣ начиналъ радоваться успѣху своего добровольнаго визита; хотѣлось сказать что-нибудь прiятное.

„Вотъ, говорю, на рѣдкость ваша семья дружная, и не дѣлитесь до сихъ поръ, какъ въ другихъ домахъ“.—„Да, благодаримъ Бога; 18 человѣкъ въ семьѣ, а не расходимся замѣтила старуха, и живемъ въ достаткѣ“. Это правда, батюшка,—заговорилъ старшiй сынъ,—сообща-то жить повыгоднѣе. Только все-таки иной разъ бабы расшумятся изъ-за своихъ ухватовъ, такъ хотъ бы отъ грѣха и отойти. Не смотрите, что у насъ онѣ такiя тихiя, это послѣ молотьбы за чайкомъ, да и при васъ. Намъ-то угодно вмѣстѣ жить и потому, что добышники мы равные: все трое только и знаемъ, что по крестьянству, за сохой Андреевной ходимъ, другихъ ремеслъ не имѣемъ. Въ иныхъ домахъ не то: одинъ торговецъ, другой сапожникъ, третiй пахарь,—добыча разная, а кушаютъ всѣ одинаково, вотъ и ссоры, попреки: кто переѣлъ, кто денегъ не донесъ,

у кого въ семьѣ ртовъ больше. Унылой прозой повѣяло отъ этихъ словъ, хотя правда житейская въ нихъ сильно чувствовалась. Впослѣдствіи, много наблюдая крестьянскую жизнь, я убѣдился: раздѣлы, на которые такъ много жалуются нынѣ, нерѣдко являются прямою необходимостію; въ экономическомъ отношеніи они, правда, вредны, но зато избавляютъ отъ страшной вражды, что иногда загорается между родными, живущими подъ одною кровлею. Живутъ вмѣстѣ, глядь братъ на брата не смотритъ, сноха сноху поноситъ какъ нельзя хуже, а разойдутся—въ гости другъ къ другу начинаютъ ходить. „Еще, батюшка,—продолжалъ старшій сынъ,—просимъ мы васъ: пожурите при случаѣ нашего старика, сталъ сильно водочкой зашибаться. Мы съ матерью резонимъ его, а онъ только отбранивается. Право обидно: ты работаешь а онъ въ кабакъ тащить“.

Разговоръ былъ въ сущности нужный и естественный, но мнѣ, какъ священнику, естественно хотѣлось его приподнять, хоть немножко одухотворить. Я захватилъ съ собою нѣсколько листковъ и книжечку о жизни св. Софїи съ дочерьми мученицами; сообразивъ, что скоро 17 число и въ семьѣ будутъ двѣ именинницы, предложилъ послушать разсказъ про св. мученицъ, что всѣми было принято дружно и охотно. Чтеніе вышло удачно. Мужички внимательно слушали, бабы вздыхали, порою и слезы утирали, малолѣтки и тѣ притихли. При общемъ вниманіи сердце мое радостно билось. Кончилъ. „Ты, батюшка, къ намъ почаще заходи поговорить да почитать, въ церкву-то не всякій разъ соберешься: дѣла, дѣти“, на перебой просили меня женщины.

Въ сѣняхъ между тѣмъ слышался шумъ: это самъ хозяинъ возвращался. Голосъ его былъ грозный, видно, что во хмѣлю, но, завидя меня, вдругъ смягчился. „Старуха, бабы, угощайте гостя дорогого. Все, что есть въ печи, на столъ мечи!“ „Встрепенулся, пьянюга, безъ тебя что ли не знаемъ, подольше бы сидѣлъ въ трактирѣ-то...“ съ досадою возразила ему старуха. Я поспѣшилъ встать и откланяться. „Что жъ, иль нехорошъ я, испугался? Обижено обратился ко мнѣ старикъ. Ты, отецъ духовный, всѣхъ люби: и худыхъ, и добрыхъ“. Но я все-таки откланялся. Семья дружно меня проводила и усердно на перебой звали зайти опять. Настроеніе я вынесъ пріятное, только пьяный старикъ какъ-то рѣзнулъ по сердцу своимъ появленіемъ. Слышу, въ домъ пошла перебранка, что-то потомъ стукнуло. Какая простая, славная семья, и какъ портить дѣло ея глава. Много жа-

лобъ слышится на непокорность, дерзость молодежи, но иной разъ и старшимъ хочется сказать: *отцы, не раздражайте чадъ своихъ*. Иду домой. Мракъ. Небо густо заволокли тучи. Ни звѣзды. Тамъ и здѣсь мелькаютъ огоньки. На душѣ ровно, покойно, крѣпну въ рѣшимости почаще соприкасаться съ этими радушными простецами въ ихъ скромныхъ хатахъ, а въ головѣ быстро назрѣваютъ мысли для проповѣдки противъ пьянства. И хочется сказать въ одинъ изъ праздниковъ, когда народу въ храмъ будетъ побольше.

Черезъ нѣсколько дней я повторилъ свое путешествіе на село. На этотъ разъ уже сознательно выбралъ одну семью по слѣдующему поводу: составъ учениковъ въ школѣ опредѣлился, и меня непріятно въ немъ поражалъ ничтожный $\frac{1}{10}$ дѣвочекъ, между тѣмъ въ намѣченной семьѣ было 5 дѣвочекъ отъ 12 лѣтъ и ниже, и ни одна изъ нихъ не поступила въ школу, несмотря на очевидный достатокъ родителей. Приходъ мой встрѣченъ былъ радушно. Хозяйка засуетилась объ угощеніи, а хозяинъ силился любезно занимать меня. Разговоръ однако почему-то не оживлялся, и я скоро приступилъ къ дѣлу. „Почему вы, обратился я къ хозяйкамъ, ни одну дочку не привели въ школу?“ Вопросъ засталъ ихъ очевидно врасплохъ. „По дому нужны, батюшка“, скоро нашелся отвѣтить мужичекъ. „Ну, ужъ, не велика нужда, и безъ дѣвочки обошлись бы, у васъ вонъ родственница пожилая дѣвушка живетъ“. „Да, пожалуй, и можно бы обойтись безъ дѣвченокъ, правда ваша, батюшка, только не домекаю я: зачѣмъ дѣвицамъ грамота,—когда замужъ берутъ, спрашиваютъ нынѣ про приданое, а не про грамотность, въ магазинъ или услуженіе ихъ не отдавать“. — „Напрасно ты, голубчикъ, такъ думаешь“, — замѣтилъ я мужичку, и долго убѣждалъ его въ томъ, какъ хорошо и полезно дѣвчкѣ, какъ будущей матери и женѣ, знать грамоту вообще, а Законъ Божій въ особенности. Сперва онъ слушалъ меня неохотно, а потомъ умягчился нѣсколько, и повершилъ: „подумаемъ, батюшка, можетъ быть одну дѣвченокку пошлемъ къ вамъ на выучку“. Чтобы сгладить не совсѣмъ всетаки пріятное впечатлѣніе отъ нашихъ маленькихъ пререканій относительно женскаго вопроса, я и здѣсь предложилъ было прочесть одинъ, другой, захваченный мною, „Троицкій Листокъ“, но получилъ отказъ. „Это, батюшка, вы напрасно утруждаетесь, мы и сами можемъ почитать послѣ васъ, вы оставьте намъ листочки-то, а покажемъ пожалуйте къ столу“. Столъ между тѣмъ установленъ былъ

многими снѣдями. За столомъ однако мы не засидѣлись, разговоръ все не клеился, мое настроеніе понизилось, чувствовался въ семьѣ слишкомъ практическій тонъ, вѣяло немножко холодкомъ. Впрочемъ это не совсѣмъ удачное посѣщеніе не отбило у меня охоты къ дальнѣйшимъ посѣщеніямъ. Скоро мнѣ пришлось непосредственно услышать сужденіе прихожанокъ о моихъ начатыхъ хожденіяхъ по селу. Сижу какъ то въ теплый полдень въ полисадникѣ, набрасываю дневникъ и думаю: недолго придется наслаждаться природою: послѣдніе теплые деньки протекають, придется забираться домой, вотъ долгими вечерами-то и буду навѣщать прихожанъ. Идутъ мимо двѣ женщины; одна изъ нихъ, очевидно не замѣчая меня, говоритъ другой: „слышала, батюшка-то молодой придумалъ вечерами по селу ходить, разговариваетъ, читаетъ?.. Спасибо ему, помнитъ насъ грѣшныхъ“... „За что спасибо? нечего понамъ дѣлать и не сидится дома, да и норовить пойти кто богаче, самыхъ зажиточныхъ выбралъ для первыхъ разовъ; небось ко мнѣ не придетъ, когда у меня полна изба ребятъ, и вернуться негдѣ“, замѣтила другая довольно рѣзкимъ тономъ. Женщины прошли, мнѣ стало грустно. Впечатлѣніе получилось подобное тому, если замѣтишь, какъ кто-нибудь небрежно плюнетъ на чистое мѣсто. Совершенно чуждъ я былъ какихъ-либо практическихъ соображеній при своихъ путешествіяхъ по селу, и въ зажиточныя семьи попалъ случайно. Впрочемъ я успокоился тѣмъ соображеніемъ, что женщина безпощадная въ приговорѣ относительно моихъ начинаній очень обременена въ жизни: мужъ пьяница, 6 человѣкъ малыхъ дѣтей, бѣдность страшная,—естественно въ такихъ условіяхъ, при отсутствіи привѣта, поддержки отъ кого-либо со стороны, въ человѣкѣ развивается недовѣрчивость, граничащая иногда чуть ли не съ озлобленіемъ на всѣхъ и на вся. Я даже радъ былъ случаю, открывшему мнѣ глаза на то, что и въ добрыхъ начинаніяхъ слѣдуетъ быть всесторонне осмотрительнымъ и всегда помнить, что въ поведеніи священника и случайныя мелочи не ускользають отъ наблюденій окружающихъ. Воистину нужно стремиться быть простымъ, яко голубь, и мудрымъ, яко змій. Тутъ же въ садочкѣ я порѣшилъ пойти въ слѣдующій разъ въ самую бѣднѣйшую семью, а потомъ уже къ той женщинѣ, что такъ немилосердно отозвалась обо мнѣ. Надумано, сдѣлано. Вечеромъ бреду я къ хатѣ, что низко, низко, точно старый грибокъ, припала къ землѣ, въ полтора окошка едва мерцаетъ тусклый свѣтъ. Стучусь; отворили скоро. Слышу жа-

лобный, стонущій крикъ ребенка. На какомъ то обрубкѣ сидитъ неопрятный старикъ и подшиваетъ теплые сапоги; отворила мнѣ женщина лѣтъ 40, грубая на видъ, въ жалкомъ рубищѣ и бросилась къ люлькѣ унять ребенка, что однако ей не удалось. Старикъ не слышалъ моего прихода и не узналъ меня, когда я его окликнулъ; женщина узнала и даже подошла подѣ благословеніе. Я сѣлъ. Но съ чего начать, что говорить? Рѣшительно недоумѣвалъ. Очень ужъ угнетала обстановка. Шестиаршинная изба, вся черная отъ копоти. На полу слой грязи, по стѣнамъ слышанъ порошокъ ползающихъ таракановъ. Въ грязной неубранной люлькѣ тянеть за душу дѣтскій плачь, чувствуется дурной запахъ. Печникъ едва освѣщаетъ одинъ столъ, а кругомъ виситъ мракъ, слившійся съ этими черными, какъ уголь, стѣнами. Обстановка вторила и печальна участь ея хозяевъ. Старикъ лѣтъ 50 женился на грубой, пьяной, много его моложе вдовѣ, и она сдѣлалась его настоящимъ тираномъ, а онъ, видно съ горя, скоро оглохъ, опустился. Кое-какъ подшивалъ сапоги и ковырялъ лапти, выработанный гривенникъ жена отбирала себѣ на водку, а его держала на хлѣбѣ и водѣ. Плачущій ребенокъ былъ питомецъ изъ Воспитательнаго дома, взятый за 3 рубля въ мѣсяцъ на воспитаніе, которое среди грязи и страданій быстро приближало его къ смерти. Питомецъ былъ уже не первый,—но женщина немало перетаскала къ намъ на погостъ несчастныхъ дѣтей. Удивительный недосмотръ, даже что то жесткое чувствуется въ столь равнодушномъ отношеніи къ дѣтямъ;—поручать ихъ подобнымъ воспитательницамъ и отдавать въ подобную обстановку,—значить морить. Много я похоронилъ несчастныхъ малютокъ: бѣдныя женщины той мѣстности положительно промышляютъ пріемомъ дѣтей. Въ концѣ концовъ я вылилъ свою скорбь о брошенныхъ малюткахъ въ рассказъ: „Забитый“. Однако я пришелъ, нужно же было что-нибудь сказать; со старикомъ разговаривать было немыслимо, да онъ и не обращалъ на меня никакого вниманія, продолжалъ чинить сапоги. Женщинѣ я только и нашелся сказать: „ради Бога, когда схоронишь этого малютку, не бери больше дѣтей на воспитаніе, не принимай грѣха еще на душу“?—„А чѣмъ же, батюшка, кормиться, по міру ходить придется тогда, видите, какой у меня добышникъ-то: сиднемъ сидитъ годъ годенскій?“ „Лучше, говорю ей, по міру ходить, чѣмъ дѣтей морить“. Я собрался уходить, удушливо было здѣсь и нравственно и физически, чувствовалось и то, что посѣщеніе мое въ пастырскихъ

цѣляхъ совершенно безплодно. Впрочемъ, похоронивши ребенка, женщина не брала уже больше дѣтей на воспитаніе, а можетъ быть уже и не дали ей—не знаю, только совѣтъ мой она приняла во вниманіе: скоро надѣла, по выраженію Алексѣевича, на бедренникъ, т. е. сумку, и пошла по міру.

Возвращаюсь домой во мглѣ осенняго вечера и думаю: старика бы въ богадѣльню, а его подругу въ домъ трудолюбія, а хату ихъ уничтожить со всеми ея миазмами и грязью. Но кто и какъ это сдѣлаетъ? Безпомощною и заброшенною показалась мнѣ тогда наша сѣрая крестьянская жизнь во многихъ отношеніяхъ. Уже третій день лиль дождь, грязь непролазная, тучи плывутъ низко, какъ будто хотятъ задѣть унылыя вершины раздѣтыхъ вѣтромъ деревьевъ. Всѣ попріжались по домамъ. Пойду, думаю, къ той женщинѣ, что рѣзко отозвалась о моихъ путешествіяхъ по селу. Иду—улица пуста, а если кто и встрѣтится, то удивленно посмотритъ на меня; одинъ мужичекъ даже спросилъ: куда это вы, батюшка, въ такую непогоду, или съ требой?

Пройти нужно было почти чрезъ все село. Дома за три до цѣли моего путешествія, слышу стоны; несутся они изъ ветхой, ветхой избушки. Догадываюсь: стонетъ бѣдняга Матрена, которую я съ недѣлю назадъ пріобщалъ послѣ неблагополучныхъ родовъ. Я думалъ, что она поправляется, а оказывается—нѣтъ. Стучусь въ избу. Отперли не скоро. Вошелъ. Боже! Какъ печальная картина въ избушкѣ соотвѣтствовала осеннему ненастью. На широкой лавкѣ подъ образами металась и стонала блѣдная, худая женщина, на другой лавкѣ противъ нея сиротливо жалась другъ къ другу трое малютокъ, въ люлькѣ слабо попискивалъ новорожденный. Мужикъ болѣзненный, вялый, растерянно стоялъ среди избы. Надъ больной наклонилась бабка и часто перемѣляла съ головы смоченную водою грязную тряпку. При видѣ меня, всѣ удивились, даже больная перестала стонать. Чувствую, нечаянно и въ нужную минуту пришелъ я сюда.

„Батюшка, родимый, Господь тебя принесъ къ намъ, помолись ты за меня, чтобы скорѣе Царь небесный взялъ душеньку мою грѣшную: измаялась, силъ нѣтъ больше, настрадалась и на малютокъ, не на кого имъ надѣяться: отецъ плохой, слабый, не оставь ихъ послѣ меня“... Съ трудомъ выговаривала больная: „Вотъ и сейчасъ голодныя сидятъ они и дровишекъ нѣтъ... купить не на что“. Тутъ только я замѣтилъ, что въ избѣ очень холодно, почти какъ на улицѣ. Не помню точно, что я сказалъ въ

отвѣтъ. Къ счастью со мною оказался кошелекъ, открылъ, въ немъ было рублей 10, три рубля я вынулъ и сунулъ въ руки больной на прощанье. Хотѣлъ было посоветывать свезти ее въ больницу, но советъ замеръ на устахъ, бесплодно везти, поздно, да 15 верстъ въ такую грязь и здоровому-то на нашихъ знаменитыхъ дрябахъ проѣхать мука настоящая. Привезти доктора?.. Но кто поѣдетъ, да и онъ то едва ли свободенъ, легко сказать, 60 деревень приходились на одинъ врачебный пунктъ!.. И вышелъ я изъ этой хаты скорби и печали съ глубокою тоскою въ душѣ, съ яркимъ сознаниемъ той безпомощности, въ которую часто попадаетъ кормилецъ земли Русской труженникъ крестьянинъ... Вѣтеръ свисталъ, дождь хлесталъ въ лицо, но все это было какъ то кетати, заунывные напѣвы осенней бури, казалось, рыдали и стонали вмѣстѣ съ умирающей и ея сиротинками. Въ сердцѣ загорѣлся порывъ открыть поскорѣе попечительство. Въ другую избу я уже не пошелъ: слишкомъ подавило меня то, что я видѣлъ. Къ тому же разстроился душевно и вотъ еще по какой причинѣ: когда я задумалъ дать денегъ больной и вынулъ кошелекъ, то счелъ и подумалъ: сколько дать? И потомъ ужъ даль, стыдно теперь стало за этотъ расчетъ, это неумѣстное раздумье. Скорбь обступала кругомъ, не время разсужденіямъ. Отдать, что имѣлъ при себѣ, въ виду гнетущей скорби, отдать безъ всякихъ оглядокъ, вотъ это былъ бы дѣйствительный, христіанскій порывъ, а такъ... Нѣтъ, холодно мое сердце... Нѣтъ въ немъ настоящей любви къ ближнему, если доброе дѣло провожаетъ холодный расчетъ. Я возвращаюсь въ теплый, уютный домикъ, у меня все есть, а что они сдѣлаютъ съ моими 3 рублями? Грустно... Да, наша половинчатость, даже въ добрыхъ дѣлахъ, наше хроманіе на оба колѣна отъ міра ко Христу и отъ Христа къ міру въ корень подтачиваетъ и наше вліяніе, и всю нашу дѣятельность. Въ представленіи народа мы являемся такими же міролюбцами, какъ и прочіе смертные, и наша проповѣдь о любви къ ближнему часто звучитъ кимваломъ бряцающимъ, потому что рѣдко за нею слышуютъ съ нашей стороны дѣла любви...

Пищу эти строки и припоминаю грустный фактъ: жилъ одинъ батюшка вдовый, бездѣтный, приходъ имѣлъ хорошій и наслѣдство получилъ отъ родныхъ до 6000 рублей; 30 лѣтъ священствовалъ въ одномъ приходѣ, слылъ за богатаго батюшку и въ дѣйствительности былъ такимъ. И жилъ хорошо: всегда трезвъ, исправенъ, начитанъ, иногда кажется даже статейки въ „Но-

вомъ Времени“ помѣщаль по вопросамъ сельской жизни. Лѣтъ 55-ти захвораль мучительнымъ ракомъ, жизнь, несомнѣнно, угасала. Ловкій племянничекъ узналь, пріѣхаль и окружилъ умирающаго дядю уходомъ всего за какіе-нибудь дня три до кончины. Наканунѣ смерти батюшку соборовали, народу полонѣть домъ. Послѣ таинства староста церковный, прощаясь съ умирающимъ, опустился на колѣни у его смертнаго одра и попросиль: „Батюшка, вы знаете, мы колоколь задумали новый слить, благоволите что-нибудь удѣлить отъ усердія вашего намъ на помощь, дѣтокъ у васъ нѣтъ, мы васъ будемъ поминать“... Батюшка въ отвѣтъ промолчалъ. Вечеромъ подписалъ завѣщаніе, въ которомъ все: и домъ, и деньги опредѣлиль племяннику. Утромъ въ 5 часовъ скончался. Хоронили торжественно. Говорили надъ покойникомъ хвалебныя рѣчи, но чувствовалось, народъ холодно внималь имъ, видно далеко стояль отъ него пастырѣ при жизни сердцемъ.

Прошелъ годъ, мнѣ пришлось служить панихиду на могилѣ умершаго по просьбѣ случайно заѣхавшаго племянника наслѣдника,—могила чужда всякаго убранства. Пришелъ староста, коекто изъ мужичковъ. Кончилась панихида. „Вы бы, баринь, хоть рѣшеточку на могилку своего дядюшки заказали, намъ грустно, что прахъ его попирають ногами... Вотъ хоть небольшую, такую какъ на матушкѣ покойницѣ, онъ самъ еще поставиль“.—„А вы сами-то что же, вѣдь онъ вамъ 30 лѣтъ служиль“... „Грѣшно вамъ, баринь, такъ говорить: и домикъ и все наслѣдство вы вѣдь получили“, замѣтиль староста. Баринь помолчалъ. „Ну, позовите мастера“. Мастеръ тутъ какъ тутъ случилься, точно изъ земли выросъ. Поговориль наслѣдникъ съ нимъ, размѣряли, кругомъ могилъ ходили. Послѣ нѣкотораго раздумья баринь рѣшительнымъ тономъ сказалъ мастеру: „Вотъ что: ты сними рѣшетку съ матушкиной могилы да и поставь ее поперекъ, она длинная: захватить обѣ могилы, за труды тебѣ заплачу“... Всѣ присутствующіе даже рты разинули отъ удивленія, а баринь между тѣмъ сѣлъ на тройку и лихо помчался вдоль села...

„Вотъ что значитъ завѣщать наслѣдство племяннику, у котораго самого въ Москвѣ два дома“, проговориль староста и, махнувъ рукой, печально побрель домой. Я замѣтиль, какъ мужичекъ при этомъ тихонько утеръ на щекѣ скатившуюся крупную слезу...

Постояль я на могилѣ послѣ всѣхъ одинъ въ грустномъ

раздумьѣ. Отъ церкви разстиралось большое село; тамъ и здѣсь мелькали въ немъ убогія хатки; на улицѣ бѣгали дѣтки, знаю, что здѣсь были и сиротинки, и бѣдняки. „Эхъ, отецъ, отецъ, ду-малось мнѣ, оставилъ бы ты свое достояніе своему родному селу, положилъ бы имъ основаніе прочное приходскому попечительству о бѣдныхъ, и какой бы ты памятникъ нерукотворенный создалъ бы себѣ самъ... Про-ти меня за невольное осужденіе, что проне-слось въ моей душѣ надъ твоей еще свѣжей могилой!“

О. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Православные русскіе монастыри въ новѣйшей русской литературѣ.

(Окончаніе. См. № 33).

Разсказъ Наживина „Въ монастырѣ“ вводитъ читателя уже въ *женскій* монастырь. Сюжетъ разсказа—попытка голодныхъ мужиковъ обворовать женскій монастырь. Попытка оказывается неудачною: воры отчасти перебиты, отчасти пойманы казаками. Но смыслъ и соль разсказа—въ противоположности между богатствомъ, роскошью, удобствами и покоемъ монастыря и нищетою и ужасами жизни окружающихъ монастырь деревень. Какія цѣли преслѣдуетъ разсказъ, видно уже изъ слѣдующихъ выдержекъ.

...»Обнесенный своею высокою, красивою оградой по лицевой сторонѣ и высокимъ прочнымъ заборомъ съ натканными наверху гвоздями—сзади и съ боковъ, монастырь этотъ, спрятавшійся въ тѣни огромнаго вѣкового парка, казался какимъ-то прекраснымъ островкомъ среди мутно-сѣраго, безбрежнаго моря нужды, горя и безобразія, бурно плескавшагося за его высокою оградой. Все, что связывало его съ тѣмъ бурнымъ міромъ, были, казалось, лишь *ручейки золота* и мѣдяковъ, лившіеся отсюда и превращавшіеся здѣсь въ крѣпкіе хрустящіе листы процентныхъ бумагъ, нѣжную семгу, золотыя ризы и малиновое яркое, какъ рубинъ, душистое варенье: здѣсь очень много ѣли, а особеннаго сладкаго—благочестивые посѣтители никогда не забывали захватить сюда абрикосовскаго мармелада для матушекъ, маслянистой, вкусной халвы съ орѣхами, фруктоваго сахару, а лѣтомъ, когда наступалъ сезонъ ягодъ, *всѣ окрестности были полны ароматомъ варенья*, и мужики принимивались и говорили:

„вотъ матушки варенье варять“, а ребята—съ тонкими ножками, большими животами и блѣдными лицами—прильнувъ къ щели въ высокомъ заборѣ, расширяли ноздри и облизывались. И, когда здѣсь ѣли, впрочемъ, здѣсь никогда не ѣли, а вкушали во славу Божию,—когда здѣсь вкушали во славу Божию бѣлорыбицу, то души переполнялись умилеи́емъ, ибо все знали, что, вкушая бѣлорыбицу, они творять волю Бога, запретившаго имъ солонину и разрѣшившаго бѣлорыбицу...

Тамъ, въ грѣшномъ мѣрѣ, за оградой, ревѣли, обагрятъ землю кровью людской, пушки,—здѣсь съ высокихъ хоръ лились чудные, чистые звуки на диво подобранныхъ дѣвичьихъ голосовъ; тамъ, подъ взѣрошенными соломенными кровлями разоренныхъ деревень, люди гнили въ сифилисѣ и паршѣ, тонули въ водкѣ,—здѣсь, среди великолѣпныхъ, ароматныхъ клумбъ, гордо цвѣли рѣдкой красоты георгины: пунцовые, снѣжно-бѣлые, золотистые, пестрые, темно-лиловые; тамъ слышались пьяная остервенѣлая ругань, дикія пѣсни, отчаянный вой бабъ по запаснымъ,—здѣсь, чудно переплетаясь съ ароматомъ ландышей, розъ, резеды, въ горячемъ трепетѣ солнечнаго свѣта среди листвы слышались серебрястыя, свѣжія, чистыя трели зябликовъ, рыдали звѣздными ночами отъ счастья соловьи въ дальнихъ, пустынныхъ углахъ парка, надъ рѣкой, пѣли въ лазурной вышинѣ колокола—то весело и побѣдно, то строго и величаво, то грустно и задумчиво, нѣжно. Въ высокомъ, полномъ солнечнаго свѣта куполѣ, окруженный сіяи́емъ и славословящими херувимами, здѣсь царилъ Великій Богъ, а по сторонамъ, въ голубыхъ пахучихъ облакахъ кадила́наго дыма, пестрыми нарядными вереницами стояли благообразные, то умиленные, то строгіе святыя. А выйдешь на широкую, чистую ваперть,—видишь широкій заградный мѣръ, но не безобразіе его, а только красоту: золотыя нивы, задумчивыя синія лѣсныя дали, зори, жемчужныя облака, звѣзды“.

И такъ далѣе, и такъ далѣе, до безконечности. Долго распространяется нашъ авторъ и о свѣжихъ просфорахъ, такихъ вкусныхъ съ душистымъ чаемъ, и сливкахъ отъ своихъ коронокъ—такихъ густыхъ и сладкихъ, и о благоухающемъ розовомъ съ янтарнымъ блескомъ балыкѣ, и о блестящей жирнымъ блескомъ черной икрѣ и о лежащихъ въ своей раздражающей красотѣ всякихъ маринованныхъ грибочкахъ и другихъ маринадахъ и о всякихъ сортахъ варенья, ярко горѣвшаго на солнцѣ въ красивыхъ хрустальныхъ вазочкахъ, и о разныхъ сплетняхъ мона-

хинь,—пересыпаемыхъ набожными вздохами, именемъ Божиимъ и нравоучительными изреченіями, и о роскошномъ монастырскомъ кладбищѣ, и о почившихъ „благодѣтеляхъ“, которыхъ приносили въ монастырь въ дорогихъ гробахъ, подъ парчевыми тяжелыми покрывами, и о благоухающихъ на кладбищѣ цвѣтахъ и усыпанныхъ золотымъ пескомъ чистыхъ дорожкахъ и т. д. словомъ, совсѣмъ рай земной. Для полноты картины, попытка голодныхъ мужиковъ обворовать монастырь кончается для нихъ крайне печально.

Простой же народъ матушка-игуменя пускаетъ въ монастырь лишь для услугъ, да и тогда требуетъ, чтобы и одѣтъ онъ былъ въ лучшія свои одежды и вель себя въ монастырьъ прилично и благообразно. Правда, послѣ пожара на сосѣдней деревнѣ дала она погорѣлымъ мужикамъ по рублю, но зато и долго же отчитывала ихъ за неосторожность. И долго еще язвить всячески монахинь нашъ авторъ.

Вотъ сколько помоевъ и грязи вылито на монашество и монастыри только въ этихъ трехъ, разбираемыхъ нами рассказахъ. Попробуемъ однако сколько-нибудь разобраться во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ. При сравненіи этихъ трехъ рассказовъ невольно приходитъ въ голову: что, а если бы монастырь, изображенный Подъячевымъ, былъ бы описанъ Гусаковымъ или въ особенности Наживинымъ, или наоборотъ. Ужъ навѣрное женскій монастырь, такъ приторно красиво изображенный г. Наживинымъ, сильно полинялъ бы въ изображеніи г. Подъячева, и, наоборотъ, изображенный этимъ послѣднимъ монастырь, быть можетъ, вышелъ бы красивымъ и роскошнымъ въ изображеніи г. Наживина. Дѣло въ томъ, что въ особенности при сравненіи между собою разбираемыхъ рассказовъ, становится до очевидности яснымъ, что наши авторы заботились совсѣмъ не о правдивости изображенія и вовсе не думали описывать дѣйствительность, а заботились лишь о томъ, чтобы лишь какъ можно ярче провести и выразить свои не только антимонашескія, но и антихристіанскія тенденціи,—только старались достигнуть этого разными способами—сообразно своему характеру и приѣмамъ своего писательства: одинъ изображеніемъ монастырскаго неряшества и грубыхъ пороковъ, другой, наоборотъ—изображеніемъ монашеской роскоши. Оттого и во всѣхъ разбираемыхъ нами рассказахъ получилась картина одинако субъективная, одинаково нехудожественная, основанная,

главнымъ образомъ, на вымыслѣ и тенденціяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ перваго изъ разбираемыхъ нами авторовъ—Подъячева. Какъ въ этомъ, такъ и въ болѣе раннихъ своихъ очеркахъ, этотъ писатель, не лишенный вообще наблюдательности и таланта, обнаружилъ такой пессимизмъ, такую исключительную способность замѣчать и схватывать только одно дурное, только однѣ мрачныя и отрицательныя стороны жизни, какая очень рѣдко встрѣчается въ литературѣ. Не говоримъ уже о крайнихъ тенденціяхъ, какими насквозь проникнуты его очерки. Самое явное недоброжелательство, даже ненависть, ко всему церковному, издѣвательство и непристойныя остроты надъ церковною службою, иконописью, монахами и т. п. переполняютъ весь рассказъ. Помимо того, въ немъ замѣтна нерѣдко и явная искусственность, напр. малоупотребительныя поговорки и пословицы онъ вкладываетъ въ уста самыхъ различныхъ лицъ и т. п.

Остальные два разбираемые нами писателя, въ особенности первый изъ нихъ, уже прямо не скрываютъ своихъ антихристіанскихъ тенденцій; понятно отсюда, каково должно быть отношеніе ихъ ко всему, что носить на себѣ печать христіанства. Любопытно, что насколько первый авторъ старается подѣйствовать на читателя ко вреду для монастырей изображеніемъ монастырской грязи, настолько же остальные два стремятся достигнуть той же цѣли описаніемъ монастырскаго богатства и роскоши. Интересно было бы только знать, откуда такое богатство и такая, по истинѣ, царственная роскошь и аристократизмъ въ обыкновенныхъ, ничѣмъ особеннымъ не замѣчательныхъ, провинціальныхъ монастыряхъ, какіе изображаютъ и тотъ и другой изъ нашихъ авторовъ? Въдѣ простые провинціальные монастыри обыкновенно очень небогаты, а зачастую и прямо бѣдны и даже очень бѣдны. Даже г. Немировичъ-Данченко въ одномъ изъ своихъ романовъ ¹⁾ изобразилъ провинціальный монастырь настолько бѣдный, что въ немъ крышь покрасить не на что, стѣны облупились, а трапеза у монаховъ очень скудная,—чай пьютъ они безъ сахара, а „для скусу“ въ чай рябину кладутъ, хотя при всемъ томъ не унываютъ и не рошцутъ, надѣясь на милость Божію.—Кто видѣлъ такую роскошь и такой аристократизмъ даже въ первоклассныхъ монастыряхъ? Очевидно, наши авторы, увлекшись тенденціей, хватили уже слишкомъ черезъ край.

¹⁾ „Волчья сыть“ („Новое Слово“ 1896 г.).

Да и сами они иногда противорѣчатъ себѣ. Игумень у Подъячева—человѣкъ хотя и малообразованный, но очень неглупый и ласковый.—Въ монастырѣ, изображенномъ Гусаковымъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые монахи отличаются смиреніемъ, послушаніемъ и воздержаніемъ.—Въ очеркахъ Подъячева монахамъ ставится въ вину грязь и неряшество, а въ рассказѣ Наживина монахинямъ тоже ставится въ вину уже опрятность и чистота.

Конечно, духъ времени коснулся и монастырей, и никто не рѣшится сказать, что въ нихъ все благополучно и нѣтъ недостатковъ. Но и за всеѣмъ тѣмъ и доселѣ велика служба монастырей міру, и ихъ просвѣтительное и нравственное значеніе не поддается никакому учету. И доселѣ есть въ нихъ и никогда не оскудѣютъ свѣтильники вѣры и благочестія, мірскіе печальники и молитвенники предъ Богомъ.

Молодые послушники—вотъ это иногда дѣйствительное зло для монастырей. Но на такихъ обыкновенно откровенно и горько жалуются сами о.о. настоятели, съ сокрушеніемъ говоря: гдѣ взять хорошихъ? Но и молодые послушники, разумѣется, не всегда плохи.

Въ заключеніе скажемъ опять, что разбираемые нами и имъ подобные, позорящіе монастыри и монашество, рассказы обязаны своимъ происхожденіемъ на самомъ дѣлѣ вовсе не недостаткамъ монашеской жизни, а желанію дискредитировать монастыри въ глазахъ народа, подорвать уваженіе и довѣріе къ нимъ и къ монашествующимъ и тѣмъ способствовать паденію одной изъ главнѣйшихъ опоръ православной вѣры.

Свящ. Н. Колосовъ.

Изъ періодической печати.

Въ № 32 „Московского Еженедѣльника“ издаваемого, какъ извѣстно, Кн. Евгеніемъ Н. Трубецкимъ, помѣщена статья послѣдняго подъ заглавіемъ „Максимализмъ“. Авторъ дѣлаетъ здѣсь между прочимъ любопытную характеристику русскаго интеллигентнаго „радикализма“ въ которомъ онъ видитъ не что иное, какъ *сбившееся съ пути религиозное исканіе*. Отмѣтимъ наиболѣе рельефныя мѣста этой, несомнѣнно, интересной статьи.

„Слово „максимализмъ“ говоритъ Кн. Трубецкой, вызываетъ въ нашемъ сознаніи два противоположныхъ, трудно согласимыхъ ряда представленій. Съ одной стороны, „максималистъ“ — это крайній идеалистъ, который не идетъ ни на какіе компромиссы,

требуетъ немедленнаго осуществленія идеала во всей его полнотѣ, не соглашаясь не только на ограниченія, но даже и на отсрочки.

Съ другой стороны, ставшая привычною ассоціація идей связываетъ съ тѣмъ же словомъ представленіе объ экспроприаторѣ, который кричитъ „руки вверхъ“ и грабитъ,—не то для революціонныхъ цѣлей, не то въ собственную пользу. Это—что-то среднее между революціонеромъ и простымъ мазурикомъ.

Это сочетаніе противоположностей, объединенныхъ общимъ названіемъ, не есть результатъ словеснаго недоразумѣнія. Жизнь дѣйствительно знаетъ эти совмѣщенія и эти переходы отъ крайняго идеализма къ крайней преступности—до полной утраты человѣческаго облика. И, несомнѣнно, русскій радикализмъ заключаетъ въ себѣ частью элементы, частью же зародыши какъ того, такъ и другого.

Классическимъ типомъ идеалиста-преступника является Раскольниковъ Достоевскаго. Всѣ черты русскаго максималиста, какъ въ широкомъ, такъ и въ тѣсномъ значеніи этого слова въ немъ на-лицо. Это—мечтатель, который во имя своей соціальной утопіи совершаетъ двойное убійство и экспроприацію. *Двойное убійство!* Геній Достоевскаго провидѣлъ даже и эту черту—убійство ни въ чемъ неповинной Елизаветы, *случайную* жертву, которая гибнетъ отъ удара, направленнаго противъ другого лица, гибнетъ только оттого, что максималистъ встрѣчаетъ ее на своемъ пути.

И тотъ же Достоевскій вскрываетъ логическія основанія перехода отъ утопіи къ преступленію. „*Я—обладатель той единой спасающей формулы, которая должна облагодѣтельствовать человѣчество: ergo—мнѣ все дозволено, я все могу преступить.*“ Тутъ безграничная вѣра двоякаго свойства: въ непогрѣшимость, святость формулы и въ самого себя, какъ ея носителя.

Такова же и теперь экспроприаторская психологія и логика, съ одной, впрочемъ, разницей. Индивидуалистъ Раскольниковъ вѣритъ самому себѣ, *своей* формулѣ, своему личному генію, знанію и умѣнію. Онъ дѣйствуетъ за свой рискъ и страхъ, отъ собственнаго имени. Нынѣшній же измельчавшій, *стадный* максимализмъ вѣритъ въ непогрѣшимости *партій* и партійныхъ лозунговъ.

Но сущность—одна и та же. Найдена абсолютная истина, *формула*, которой ея обладатель поклоняется, какъ божеству, какъ идолу. Человѣческій законъ воспрещаетъ кровавыя жертвы, но *божество* ихъ требуетъ. Ergo—человѣческій законъ долженъ быть нарушенъ.

Уже давно замѣчено, что фанатизмъ русской радикальной интеллигенціи тѣсно связанъ съ ея безсознательной религіозностью. Всякую соціальную утопію она принимаетъ какъ религіозный догматъ, какъ откровеніе, коего каждая буква священна. Всякая русская революціонная партія имѣетъ тенденцію превратиться въ секту, которая мнитъ себя единой спасающей церковью, а потому ненавидитъ всѣ прочія секты, какъ еретическія. У всякой—свое евангеліе—отъ Маркса или отъ кого-либо другого, свои революціонные святцы, мученики и праздники, когда полагается воздерживаться отъ труда и предаваться недѣланію. И всѣмъ имъ свойственно присущее религіознымъ сектамъ стремленіе къ дробленію. Самыя крайнія партіи кажутся части ихъ сторонниковъ недостаточно крайними, оппортунистичными. И въ поискахъ за абсолютнымъ радикализмомъ рождаются новыя партійныя образованія: большевики среди соціаль-демократовъ, максималисты въ тѣсномъ смыслѣ слова среди соціаль-революціонеровъ. Всѣ они говорятъ не отъ себя, а какъ бы „отъ Бога“, въ каждомъ революціонерѣ сидитъ непогрѣшимый пана, всѣ мыслятъ свой соціальный идеаль не иначе, какъ въ формѣ безусловнаго.

Максимализмъ въ широкомъ смыслѣ—ихъ общая родовая черта. И источникъ его—всегда одинъ и тотъ же. Въ существѣ своемъ—максимализмъ—не болѣе не менѣе, какъ извращеніе одной изъ наиболѣе привлекательныхъ и цѣнныхъ сторонъ русскаго характера. Это—одна изъ многихъ aberrаций нашего религіознаго сознанія—*сбившееся съ пути религіозное исканіе*.

Неудовлетворенность всѣмъ вообще существующимъ, неспособность къ компромиссамъ, непримиримость, склонность къ повышеннымъ, максимальнымъ требованіямъ,—все это частныя проявленія той жажды *безусловной, совершенной правды*, которая живетъ не только въ нашемъ интеллигентѣ, но и въ простомъ народѣ.

Съ этой особенностью связана и наша сила и слабость, все то, что есть въ нашемъ національномъ характерѣ, благороднаго и отвратительнаго. Здѣсь залогъ высокаго подъема духа, великихъ подвиговъ и творчества; но здѣсь же таится возможность крайняго паденія. Извращеніе лучшаго изъ человѣческихъ качествъ становится источникомъ худшаго изъ золь. Сбившееся съ пути религіозное исканіе обращается на недостойные предметы и создаетъ себѣ идоловъ. А идолы обыкновенно бываютъ ревнивы, завистливы, безчеловѣчны и кровожадны.

Русская дѣйствительность полна печальными тому доказательствами. Русскій интеллигентъ жить не можетъ безъ идоловъ и дѣлаетъ ихъ изо всего на свѣтѣ: изъ народа, изъ партіи, изъ формулы, изъ ученія, въ которомъ онъ видитъ „последнее слово науки“. И все человѣческое забывается и утрачивается въ этомъ идолослуженіи. Это то самое, что создаетъ преступную атмосферу. Становясь предметомъ исключительнаго почитанія, идолъ вмѣстѣ съ тѣмъ становится единственнымъ критеріемъ нравственныхъ обязанностей. Отъ всякихъ другихъ онъ освобождаетъ своихъ поклонниковъ: одни считаютъ все дозволеннымъ въ интересахъ народа, другіе—въ интересахъ единой спасающей партіи, третьи ради торжества единственно непогрѣшимаго догмата...

Идолъ требуетъ отъ своего поклонника высшей жертвы: онъ пожираетъ его самого, убиваетъ въ немъ человѣческое чувство, уничтожаетъ всякую общественность. Онъ создаетъ, съ одной стороны, преступные типы, анархистовъ, которые ведутъ истребительную войну противъ всякаго несоотвѣтствующаго ихъ формуламъ общества, а съ другой стороны—разсудочныя машины, доктринеровъ, неспособныхъ къ какому-либо живому практическому дѣлу.

Максимализмъ и доктринерство грозятъ остановить у насъ всякую общественную жизнь: нельзя учиться въ школѣ, потому что мы не имѣемъ „истинно-демократической школы“; нельзя законодательствовать въ парламентѣ, потому что мы не имѣемъ „истинно-народнаго представительства“. Нельзя терпѣть какую бы то ни было власть, пока власть не перейдетъ въ руки народа. Нельзя давать заниматься земледѣліемъ, пока вся земля не перейдетъ въ руки всего народа; нельзя давать работать фабрикамъ, покуда мы не добьемся восьмичасоваго рабочаго дня. Нельзя давать жить, пока не восторжествуютъ въ полномъ объемѣ наши священные формулы...

По отношенію къ безусловной правдѣ максимализмъ умѣстенъ: она дѣйствительно требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ отдавался ей всѣмъ сердцемъ, всѣмъ своимъ существомъ. Это выражено въ евангельской притчѣ о купцѣ, который ради драгоценной жемчужины жертвуетъ всѣмъ своимъ достояніемъ, и въ извѣстномъ текстѣ: „Кто не оставитъ отца и мать свою ради Меня, нѣсть Меня достоинъ“. Тутъ, дѣйствительно, нѣтъ мѣста для компромисса. Безусловному человѣку долженъ принести себя въ жертву всецѣло и безъ остатка.

Но бѣда наша въ томъ, что мы почитаемъ какъ безусловное тѣ временныя цѣнности политическаго рынка, коимъ сегодня цѣна одна, а завтра другая. Мы отдаемъ себя въ совершенную жертву измѣнчивымъ, преходящимъ требованіямъ политическимъ и соціальнымъ, и этимъ подрываемъ свою творческую силу: мы не въ состояніи создать ничего прочнаго, непреходящаго.

По назначенію своему наша интеллигенція—соль земли Русской. Но догматизмъ и идолослуженіе сдѣлали ее солью, потерявшей силу. Неудивительно, что жизнь прошла мимо нея и разбила ея идоловъ. И мы не должны этому печалиться: ибо во-первыхъ, гибель боговъ—уже сама по себѣ—нѣкоторая побѣда истины. А во-вторыхъ, крушеніе кумировъ освобождаетъ душу отъ плѣна, дѣлаетъ умъ открытымъ для исканія и подготавливаетъ новый подъемъ—въ сферу дѣйствительно безусловнаго.

Слово на могилѣ умершаго о. протоіерея Іоанна Матвѣевича Лебедева, 29-го іюля 1907 г.

Сродники и други, сироты мы всѣ: вѣчнымъ сномъ уснуль отецъ нашъ; закрылись привѣтливыя очи, замкнулись милыя уста, лежитъ онъ недвижимъ, бездыханень... Правда, свѣтлый духъ его еще съ нами, незримо онъ паритъ здѣсь, утѣшаетъ насъ и благословляетъ; онъ съ нами, но мы то не съ нимъ, тайна смерти раздѣляетъ насъ, и глубокая скорбь сжимаетъ сердца наши. Но о комъ скорбѣть? О немъ или о себѣ? Нѣтъ, не о немъ намъ скорбѣть. Посмотрите на эти вѣнки; вѣдь это же символы того небеснаго вѣнца, который Господь возложитъ на своего вѣрнаго и добраго раба. Вспомните слова св. апостола: „Подвигомъ добрымъ подвизахся“... Если къ кому изъ слабыхъ смертныхъ могутъ быть приложимы эти слова, то въ особенности—къ дорогому нашему усопшему. Вся жизнь его была непрерывный подвигъ добра; крѣпко надѣмся, что ему готовъ и свѣтлый рай и райскій вѣнокъ. Не о немъ скорбѣть намъ...

Что такъ влекло всѣхъ къ нему? Чего искали, что находили у него тысячи его духовныхъ дѣтей? Что, наконецъ, собрало эти тысячи къ его гробу?—Благоговѣнный служитель алтаря Господня, смиренный и чистый сердцемъ, кроткій, незлобивый, какъ агнецъ, онъ невольно заставлялъ насъ всѣхъ любить его. Но главное—онъ самъ всѣхъ насъ любилъ. Добрый и вѣрный рабъ Господень,

онъ особенно сильно запечатлѣлъ въ сердцѣ своемъ предсмерт-
ный завѣтъ Спасителя: „Дѣти, любите другъ друга“. Немного-
рѣчивъ былъ дорогой нашъ, но все существо его сіяло любовью
къ людямъ: любовь проникала его, свѣтилась въ его добромъ,
привѣтливомъ взглядѣ, слышалась въ его кроткой тихой рѣчи.
Это былъ чистый, какъ хрусталь, неизсякаемый источникъ живой
воды, и эта вода была его любовь къ намъ. И вотъ почему шли
къ нему толпы народа, люди всякаго возраста и пола, всякаго
званія и состоянія. Онъ болѣлъ нашими скорбями и всей душой,
независтно радовался нашему счастью. Не будемъ говорить объ
его общественно-благотворительной и просвѣтительной дѣятель-
ности: школы, попечительства, пріюты, обязанные ему своимъ су-
ществованіемъ, пусть сами говорятъ о немъ. Не будемъ подни-
мать завѣсу его тайныхъ добрыхъ дѣлъ: сироты и обездоленные,
въ этотъ часъ вы сами вспомните его добрую душу! И вы, дѣти
его духовныя, вспомните, какъ во дни поста онъ чуть не цѣлыя
сутки простаивалъ съ вами, дѣлилъ съ вами ваше горе и за-
боты, утѣшалъ, ободрялъ и наставлялъ васъ! Да и во дни ли
поста только было такъ? Дѣти его духовныя, вспомните и ска-
жите: онъ былъ намъ отецъ.

Въ дни жестокаго равнодушія людей другъ къ другу, въ
они обостренныхъ взаимоотношеній, онъ былъ свѣтильникъ „горяй
и свѣтѣй;“ предъ нимъ сами гасли дымные и смрадные факелы
зла. Но не нужно громкихъ сравненій: смиренный духъ почив-
шаго смутился бы ими. Но не приходилось ли вамъ молиться
въ тиши уединенія? Стоите вы. Кроткій свѣтъ лампы озаряетъ
золотистымъ сіяніемъ святыя лики иконъ. Кругомъ тишина. И
мало-по-малу, незамѣтно этотъ кроткій мягкій свѣтъ какъ бы
проникаетъ къ вамъ въ душу. Житейскія тревоги и печали уле-
таютъ куда-то далеко, на сердце сходитъ миръ и умиленіе... Вотъ
такъ благотворно умирительно дѣйствовалъ на насъ и дорогой
нашъ усопшій. Къ кому-жъ теперь пойдемъ, къ кому? Сироты
мы: вѣчнымъ сномъ уснулъ отецъ нашъ; лампада угасла, мракъ
скорби въ душѣ, время молитвы и слезъ...

Свящ. В. Кудринъ.

Лѣтопись епархіальной жизни.

250-лѣтіе храма свв. Флора и Лавра. 18 августа, торжественнымъ богослужениемъ праздновалась 250-лѣтняя годовщина одной изъ старѣйшихъ Московскихъ церквей—храма свв. мучениковъ Флора и Лавра, что у Мясницкихъ воротъ, противъ почтамта.

По преданію, нынѣшній храмъ воздвигнуть на мѣстѣ прежняго, деревяннаго, перенесеннаго сюда отъ Спасскихъ воротъ (раньше, какъ извѣстно, именовавшихся—Флоровскими), при Иоаннѣ Грозномъ. Каменная церковь была построена, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ 1657 году, освящена 18 августа того же года и остается съ тѣхъ поръ до нынѣшняго дня безъ существенныхъ измѣненій снаружи.

Ко дню юбилея было приурочено освященіе названнаго храма, совершенное послѣ ремонта, произведеннаго на средства мѣстнаго ктитора почетнаго блюстителя Московской духовной семинаріи извѣстнаго коммерсанта М. И. Мишина.

Наканунъ праздника, всенощное бдѣніе въ храмѣ совершалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской, въ сослуженіи архимандритовъ Алипія и Иннокентія и прочаго духовенства, а въ самый день праздника освященіе и слѣдовавшую затѣмъ литургію и благодарственное молебствіе совершали Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій, преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской.

Во время всенощнаго бдѣнія весь храмъ и колокольня были изящно иллюминированы. Въ концѣ литургіи митрополитъ произнесъ глубоконазидательное поученіе. За всѣми богослуженіями пѣлъ хоръ А. Т. Бѣлова.

Стеченіе молящихся было необычайно большое.

Крестный ходъ. Въ воскресенье, 19 августа, былъ совершенъ крестный ходъ изъ Московскихъ соборовъ и Кремлевскихъ монастырей въ Донской монастырь. Во главѣ духовенства шель преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, съ архимандритомъ Игнатіемъ. Въ святыхъ вратахъ Донской обители крестный ходъ былъ встрѣченъ Владыкой митрополитомъ Владиміромъ съ о.о. архимандритами: Іаковомъ, Теофилактомъ, Гавріиломъ, Анастасіемъ и братіей. Митрополитъ совершилъ чтеніе св. Евангелія и осѣненіе Крестомъ богомольцевъ, а затѣмъ прослѣдовалъ въ соборную церковь монастыря, гдѣ совершилъ литургію. При окончаніи богослуженія Владыка митрополитъ произнесъ проповѣдь. На обратномъ пути въ Кремль крестный ходъ сопровождалъ преосвященный Анастасій, епископъ Серпуховской. Стеченіе богомольцевъ было необычайно большое.

Освященіе храма. 19 августа въ селѣ Куровѣ, находящемся близъ станціи „Пушкино“ Ярославской жел. дороги было совершенно освященіе величественнаго по архитектурѣ теплаго храма въ честь св. Николая чудотворца, великолѣпно отдѣлан-

наго на средства ктитора О. Е. Макарова. Въ церкви сдѣланъ новый великолѣпный пятирусный иконостасъ, стѣны вновь украшены живописью, возобновлена вся утварь. Освященіе и литургію совершалъ мѣстный благочинный съ 2 священниками, при громадномъ стеченіи молящихся. Послѣ богослуженія мѣстные крестьяне сердечно благодарили ктитора за его щедрія пожертвованія въ пользу ихъ храма.

Шестисотлѣтіе иконы. 24 августа исполнилось 600 лѣтъ написанія чудотворной иконы Петровской Вожіей Матери, находящейся въ настоящее время въ иконостасѣ у сѣверной стѣны въ Петропавловскомъ придѣлѣ Большого Успенскаго собора.

Эта святая икона имѣетъ въ длину 7, а въ ширину 6 вершковъ, была написана св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ въ 1307 году, въ то время, когда онъ былъ игуменомъ одного изъ монастырей на Волыни. Она была поднесена имъ митрополиту Максиму, который перенесъ ее въ Владиміръ, а когда св. Петръ сдѣлался митрополитомъ Московскимъ то эта икона была перенесена въ Москву и прославилась вскорѣ многими чудотвореніями. На нее былъ сдѣланъ драгоценный окладъ съ камнями и она пользовалась особымъ уваженіемъ. Изъ Русской исторіи извѣстно, что патріархъ Іовъ носилъ эту святыню въ крестномъ ходу въ Новодѣвичій монастырь, когда просили Бориса Годунова быть царемъ Русскимъ. Архіепископъ Рязанскій Θεодоритъ, отправлявшійся во главѣ духовенства въ 1613 году въ Кострому, чтобы просить на царство Михаила Θεодоровича Романова, также бралъ эту икону изъ Успенскаго собора.

Празднество этой иконѣ совершается 24 августа; она украшена старинной ризой съ драгоценными камнями. Въ 1896 году икона была реставрирована. Она постоянно носится въ „большихъ“ крестныхъ ходахъ, совершаемыхъ изъ Успенскаго собора, и ее часто берутъ на дома богомольцы для служенія молебновъ.

Изъ села Куликова, Дмитровскаго уѣзда. Празднованіе столѣтія Покровскаго храма.

(Корреспонденція).

29-го іюля въ нашемъ селѣ Куликовѣ состоялось торжественное богослуженіе, по случаю исполнившагося столѣтія со дня освященія каменнаго храма во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, соборнѣ съ мѣстнымъ причтомъ и со сѣднимъ священникомъ села Говѣинова.

До построенія означеннаго каменнаго храма существовала деревянная церковь во имя тоже Покрова, но когда и кѣмъ построена, неизвѣстно. Преданіе говоритъ, что былъ въ селѣ Куликовѣ пожаръ, всѣ дома крестьянъ сгорѣли и храмъ сгорѣлъ. Мѣсто для постройки новаго храма избрали возвышенное и вдали отъ домовъ крестьянъ. Храмъ былъ построенъ тоже деревянный, а когда

онъ былъ построенъ, документовъ на то не найдено. Извѣстно, что сей храмъ пришелъ въ ветхость и довольно тѣсный и въ третій разъ уже приступили къ построению каменнаго, обширнаго, — и приготовленнаго къ освященію, какъ значится въ клировыхъ вѣдомостяхъ, въ 1807 году тицаніемъ прихожанъ.

Вотъ въ этомъ-то освященномъ каменномъ храмѣ въ 1895 году усердіемъ добрыхъ прихожанъ былъ сдѣланъ новый рѣзной иконостасъ, съ новыми писанными по чеканному золоту съ эмалированной отдѣлкой иконами, а ко дню празднованія столѣтія означеннаго храма на средства церковнаго старосты Павла Адрианова Силина, Михаила Константинова Елесина, Алексѣя Ильина Рыжова и другихъ была исполнена художникомъ Шваревымъ по чеканному золоту икона преподобнаго Саввы, Звенигородскаго чудотворца, и къ ней лампада и бронзовый подсвѣчникъ—все это цѣнностію болѣе пятьсотъ рублей.

Въ названный день въ 4 часа утра началось утреннее богослуженіе, совершенное мѣстными священниками Сергіемъ Уклонскимъ и Николаемъ Лебедевымъ, въ сослуженіи священника села Говѣйнова Николаемъ Скворцовымъ при диаконѣ Сергіи Лебедевѣ. Предъ полднемъ было совершено чтеніе акаѣиста Покрову Пресвятыя Богородицы и преподобному Саввѣ.

По окончаніи началось водоосвященіе, послѣ котораго окропленъ иконостасъ, сооруженный для иконы преподобнаго Саввы и совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ храма, во время котораго окроплены картины по стѣнамъ ограды и наружныя стѣны храма съ осѣненіемъ по вѣсѣмъ сторонамъ, такъ какъ малярныя работы 1906 года не вполне были исполнены во время за недостаткомъ матеріала и поздняго осенняго дождливаго времени. Стеченіе молящихся въ крестномъ ходѣ было громадное; несмотря на то, что день былъ солнечный, крестьяне оставили свои лѣтнія работы и пришли помолиться даже изъ сосѣдняго села. Очевидно, что велика вѣра и любовь у простаго народа къ подобнымъ торжествамъ.

Около 10 часовъ началась литургія, которую совершали тѣ же священнослужители при пѣніи крестьянскихъ дѣтей и любителей пѣнія прихожанъ подъ управленіемъ учителя мѣстной церковно-приходской школы. Съ 1902 года за каждой праздничной службой поютъ въ церкви дѣти-школьники и прихожане и окончившіе курсъ въ церковной школѣ. Благодаря умѣлому и усердному отношенію къ дѣлу учителя Ремизова хоръ достигъ быстрыхъ успѣховъ—стройное пѣніе благотворно дѣйствуетъ на молящихся, располагая ихъ къ молитвѣ и болѣе частому посѣщенію храма Божія. Во время причащеннаго стиха старшій священникъ означеннаго храма Сергіи Уклонскій произнесъ глубокопрочувственное слово. Въ немъ онъ раскрылъ предъ слушателями значеніе для всякаго христіанина храма, какъ училища благочестія и врачевницы немощей душевныхъ и тѣлесныхъ. Въ концѣ слова призывалъ прихожанъ къ общему моленію о виновникахъ сооруженія сего храма и закончилъ свое слово пожеланіемъ, чтобы Господь сохранилъ сей храмъ на многія сотни лѣтъ, даже до скончанія вѣка во славу единосущныя и нераздѣльныя Троицы.

Послѣ литургіи служащимъ духовенствомъ было совершено торжественное молебствіе Покрову Пресвятыя Богородицы и преподобному Саввѣ, въ концѣ котораго были провозглашены многолѣтія всему Царствующему Дому, Св. Синоду, Владыкѣ Митрополиту, благотворителямъ и вѣсѣмъ православнымъ христіанамъ и вѣчная память вѣсѣмъ почившимъ священно-церковно-служителямъ и ктиторами сего храма.

Изъ храма служащее духовенство, благотворители и нѣкоторые прихожане отпразднели въ церковно-приходскую школу, гдѣ былъ для нихъ сервированъ чай и закуска. Предъ закуской было предложено нѣсколько тостовъ за здоровье благотворителей и всѣхъ присутствовавшихъ и затѣмъ пѣвчіе двукратно пропѣли гимнъ: „Боже, Царя храни...“ и наконецъ многолѣтіе.

Надолго останется памятнымъ для прихожанъ день духовнаго торжества. Священникъ *Сергій Уклонскій*.

Объявленія.

ВНИМАНІЮ ДУХОВЕНСТВА И ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЬ.

Вышелъ изъ печати „КАЛЕНДАРЬ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ НА 1908 Г.“ (Для духовенства и народа); цѣна 20 коп., съ какового изданія дѣлается для церквей скидка въ размѣрѣ 10%; требующимъ не менѣе 10 экз. для продажи—20%; 25 экз. и болѣе—25%. Требуемое количество экз. доставляется по указанному адресу.

Требованія просятъ адресовать: *Москва, Новоспасскій монастырь, кв. ризничаго.*

3—1

Ред.-изд. іером. Валентинъ.

ОТЪ ДИРЕКТОРА МОСК.

РЕГЕНТСКИХЪ КЛАССОВЪ.

(Съ казенными правами, на Арбатѣ, д. 4).

Съ 1 Сентября открывается IV-курс. Приемъ прошеній отъ лицъ обоаго пола до 15 Сент. Приемн. экзамены и нач. занятій около 1 Сентября. Курсъ ученія для лицъ безъ всяк. подготовки 4-года. Плата 50 р въ полуг. Рег. классы дѣлятся на четыре класса: 1) *регентскій*, 2) *капельмейстерскій*, 3) *инструментальный* и 4) *солънаго пѣнія*. Отсрочка воинской повинности. Есть общежитіе. Проспекты высыл. безплатно. Программа по веѣмъ предм. высыл. за двѣ 7 коп. марки.

3—1

Содержаніе: Соціалъ-демократія и естественная наука.—По крестьянскимъ хатамъ.—Православные русскіе монастыри въ новѣйшей русской литературѣ. (Окончаніе). Изъ періодической печати.—Слово на могилѣ умершаго о. протоіерея Іоанна Матвѣевича Лебедева, 2-го іюля 1907 года.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Изъ села Куликова, Дмитровскаго уѣзда. Празднованіе столѣтія Покровскаго храма. (Корреспонденція).—Объявленія.—Резолюціи Митрополита Филарета. (Прод. лженіе).

При семъ № прилагается „Московскій Благовѣстъ“ № 32. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка безплатно.

Цензоръ
Протоіерей *Н. Извъковъ*.

Исп. об. редактора,
Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ*.

Типо-литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

начальство удостовѣрится въ совершенномъ исправленіи его; в) настоятельно монастыря предписать, чтобы, при неослабномъ надзорѣ за священникомъ, употреблялъ къ исправленію его законныя мѣры и о послѣдующемъ репортовалъ Его Высокопреосвященству по третямъ года: „По обстоятельствамъ, изложеннымъ во мнѣніи большинства голосовъ, слѣдуетъ признать священника Космина доказаннымъ въ наружныхъ дѣйствіяхъ, свойственныхъ нездравомыслящему, происходили-ль оныя отъ истиннаго нездравомыслія, или отъ притворства въ ономъ. А по обстоятельствамъ, изложеннымъ во мнѣніи меньшинства голосовъ, основанномъ не на однихъ предположеніяхъ, но частію на свидѣтельствахъ и документахъ, слѣдуетъ оставить его, священника, въ подозрѣніи, что наружныя дѣйствія, умоповрежденному свойственныя, всѣ, или отчасти, употребилъ онъ притворно, дабы удобнѣе выпутаться изъ отвѣтственности за тяжкій извѣтъ, по недоказанности, обращающійся въ вину извѣтчика. Хотя, такимъ образомъ, по разновидности и запутанности обстоятельствъ дѣла, не можно съ точностію опредѣлить родъ и степень виновности Космина: впрочемъ остается твердымъ, въ обоихъ несогласныхъ мнѣніяхъ принятое, заключеніе, что ему священнослуженія ввѣрять нынѣ не можно. Къ сему должно присовокупить, что и въ городѣ Дмитровѣ оставить его на службѣ также не можно: потому что онъ по сему дѣлу подвергъ себя многими поступками весьма неблагопріятной огласкѣ, лишающей его довѣрія и уваженія обывателей. Впрочемъ, по отрѣшеніи его отъ мѣста, послать его въ монастырь было бы неудобно, потому что въ семь случаѣ семейство его осталось бы безъ пропитанія. Посему учинить слѣдующее. 1) Запрещеннаго священника Космина отъ Дмитровскаго собора отрѣшить, и впредь, по городу Дмитрову и его уѣзду, на службу не опредѣлять. 2) Опредѣлить его, безъ разрѣшенія священнослуженія, на сельское, въ другомъ уѣздѣ, причетническое мѣсто и отдать подъ строгій надзоръ мѣтнаго благочиннаго и приходскаго священника, съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно доносимо было, будетъ ли онъ вести себя здравомысленно, въ должности исправно, благонравно, и не будетъ ли замѣчаемъ въ какихъ-либо беспорядкахъ, въ склонности къ распрямъ, клеветѣ и притворству; и, смотря по содержанію таковыхъ донесеній, учинить о немъ дальнѣйшее разсмотрѣніе. 3) Относительно первыхъ слѣдователей поступить по согласному мнѣнію консисторіа“.

4413. Резолюція отъ 7 октября на консисторскомъ опредѣленіи: 1) о непочитаніи виновнымъ бывшаго при церкви села Гжели, Бронницкаго уѣзда, священника Платона Николаева, какъ не сознавашагося въ донесенномъ на него бывшимъ благочиннымъ Гуслицкимъ священникомъ Іоанномъ Іоанновымъ, распечатаніи сундука, въ которомъ находился окровавленный илитонъ, нетрезвости и оскорбленіи благочиннаго при народѣ въ алтарѣ названіемъ кляузникъ; 2) о сдѣланіи благочинному въ присутствіи консисторіи выговора за неосновательный доносъ на священника Николаева; 3) о сдѣланіи также выговора священнику Николаеву за то, что онъ держалъ въ домѣ церковную освященную вещь (илитонъ); 4) о сдѣланіи замѣчанія Гжелскому благочинному за неисправности, допущенныя при слѣдствіи; 5) о подтвержденіи канцеляристу Крылову за долговременное продержаніе безъ исполненія репорта благочиннаго: „Священникъ Николаевъ и недоказанъ, но и не оправдался, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ обличается свидѣтелями. Николаевъ показалъ, что просьбы о распечатаніи сундука отъ старосты не слыжалъ; сундука не запечатывалъ и просить его о распечатаніи было не нужно. Напротивъ староста показалъ, что при запечатаніи сундука былъ братъ его, старосты; что онъ, староста, о распечатаніи сундука просилъ священника Николаева, и сей позволилъ. Посему учинить слѣдующее: 1) священника Николаева признать по дѣлу недоказаннымъ, но и не рѣшительно оправдавшимся, и предать поступки его суду Божию; 2) бывшаго въ должности благочиннаго также не признавать обличеннымъ въ ложномъ доносѣ; 3) второй, третій, четвертый и пятый пункты исполнить; 4) окровавленную книгу въ алтарѣ не употреблять, и, чтобы не вошла послѣ по невѣднію, предать ее огню“.

4414. Резолюція отъ 8 октября на прошеніи крестьянки села Ознобишина дѣвицы Ксеніи Андреевой о дозволеніи ей вступить въ бракъ съ крестьяниномъ Гавріиломъ Яковлевымъ, такъ какъ приходскій священникъ не соглашается вѣнчать ее, потому что на это не даетъ своего согласія ея отецъ, желающій оставить ее навсегда въ дѣвицахъ: „Есть ли подлинно отецъ уклоняется отъ согласія на бракъ потому только, что желаетъ оставить просительницу навсегда въ дѣвствѣ; а она къ сему не расположена; и есть ли другого препятствія къ браку нѣтъ: то мѣстный священникъ можетъ приступить къ совершенію брака съ обыкновенными предосторожностями, и о послѣдующемъ репортовать съ приложеніемъ сего“.

4415. Резолюція отъ того же числа на прошеніи крестьянина села Дарищъ, Коломенскаго уѣзда, объ уменьшеніи срока положенной на него семимѣсячной съ половиною епитиміи за небытіе у свят. причастія, съ исправленіемъ оной въ Вѣлопесоцкомъ монастырѣ, находящемся въ 60 верстахъ отъ мѣста его жительства, что лишаетъ его возможности имѣть свѣдѣнія о его многочисленномъ семействѣ: „Послать сіе къ Строителю, чтобы донесъ, былъ ли проситель въ монастырѣ у исповѣди и причастія святыхъ таинъ, и какъ себя ведетъ. Есть ли не былъ, то расположить его къ сему и потомъ донести, съ означеніемъ, сколько времени находится въ монастырѣ“.

4416. Резолюція на проповѣди священника Предтечевской, въ Кречетникахъ, церкви Александра Алексѣева въ недѣлю осьмнадцатую: „Отослать къ благочинному, чтобы онъ лучше осмотрѣлся. Въ одномъ изъ замѣченныхъ мѣсть сочинитель говоритъ, что будто теперь нѣтъ священства; въ другомъ, отъ желанія говорить остроумно, заговаривается“.

4417. Резолюція отъ 13 октября на консисторскомъ опредѣленіи объ оставленіи безъ дѣйствія просьбы вдовы священника Адриановской, въ Мѣщанской, церкви Александра Сергіевскаго, Анны Фодотовой о выдѣленіи ей четвертой части изъ мужняго имѣнія и о возвращеніи ей приданыхъ ея 10.000 рублей: „Послѣ покойнаго осталось едва ли не менѣе, нежели ищетъ вдова; а онъ имѣлъ и собственныя деньги, гдѣ же приданный капиталъ, котораго ищетъ вдова? Учинить слѣдующее: 1) опредѣленіе сіе исполнить; 2) опекунамъ поручить законно защищать малолѣтнихъ дѣтей, чтобы мать ихъ не ограбила; 3) обратить вниманіе, надеженъ ли для дѣтей опекуны, отецъ вдовы, который попускаетъ ей заводить сію тяжбу въ такомъ притѣснительномъ для дѣтей видѣ“.

4418. Резолюція отъ 16 октября на прошеніи крестьянина села Кубинскаго, Верейскаго уѣзда, Ермолая Филатова о разрѣшеніи повѣнчать его сына Матвѣя приходскому священнику, который не соглашается совершить бракъ, потому-что Матвѣй незаписанъ въ метрическихъ книгахъ, хотя самъ крестилъ его: „Есть ли тотъ же священникъ съ причтомъ крестили: то они и время могутъ помнить. Кромѣ сего справиться мѣстному священнику съ исповѣдными книгами, съ ревизскою сказкою, спросить воспріемниковъ, и есть ли по сему совершеннолѣтіе докажется, со-

вершить бракъ съ прочими узаконенными предосторожностями, и о послѣдующемъ репортовать съ приложеніемъ сего“.

4419. 17-го октября Его Высокопреосвященствомъ было дано консисторіи слѣдующее предложеніе. „По случаю разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елены Павловны рожденіемъ Великой Княжны Анны Михайловны, завтрашній день, т.е. 18 октября, въ 9 часовъ утра предъ литургіею имѣеть быть отправлено благодарственное Господу Богу молебствіе во всѣхъ монастыряхъ, соборахъ и церквахъ столицы съ колѣнопреклоненіемъ и съ цѣлodneвнымъ звономъ.—Консисторія имѣеть учинить надлежащія распоряженія къ приведенію сего въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы имя новорожденной Великой Княжны на ектеніяхъ и въ другихъ, гдѣ слѣдуетъ, мѣстахъ при священнослуженіи воспоминаемо было послѣ всей Императорской фамиліи тако: *и о Новорожденной Великой Княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ*. Филаретъ М. Московскій“.

4420. Резолюція отъ 20 октября на мнѣніи преосвященнаго Николая, епископа Дмитровскаго, о томъ, что ученикъ третьяго разряда высшаго отдѣленія Московской духовной семинаріи Александръ Поповъ, желающій занять мѣсто священника церкви села Захарына, Дмитровскаго уѣзда, читаетъ хорошо, поетъ по нотѣ не худо, катихизисъ знаетъ довольно не худо, поведенія добропорядочнаго: „Знать катихизисъ довольно не худо мало для священника. Поведенія ученикъ третьяго разряда Поповъ показанъ добропорядочнаго, что, какъ извѣстно, означаетъ низшую степень одобренія. Посему отказать ему въ священническомъ мѣстѣ и велѣть на первый разъ искать діаконскаго“.

4421. Резолюція отъ 23 октября на прошеніи запрещеннаго священника церкви бывшаго Левкіева монастыря, Волоколамскаго уѣзда, Василия Петрова Тихомирова о прошеніи его въ противозаконныхъ его поступкахъ, въ облегченіе несчастной участи какъ его, такъ и болящей его жены, и въ поправленіе домашнихъ обстоятельствъ новаго мѣста: „Нѣтъ правила, ни закона, по которому бы для больной жены можно было прекращать судебныя дѣла о мужѣ. Касательно мѣста пенять не на кого, потому-что, сколько могу припомнить, самъ просилъ перемѣщенія. Сѣмянъ же, есть ли подлинно не собралъ, то и возвращать ихъ не обязанъ“.

4422. Резолюція отъ 23 октября на прошеніи протоіерея Вознесенской, г. Звенигорода, церкви Кирилла Воскресенскаго съ причтомъ, церковнымъ старостою и прихожанами о дозволеніи

нѣ имъ переустроить и распространить трапезную церковь, съ устройствомъ третьяго придѣла, по приложенному рисунку, на церковныя средства и прихожанъ, съ тѣмъ, чтобы современемъ выстроить и колокольню: „Построеніе по прилагаемому плану разрѣшить не признается удобнымъ: потому-что придѣлъ надъ дверьми не представляетъ удобства для входа въ него и священнослуженія въ немъ, и закрывалъ бы настоящую церковь; потому-что строить церкви свѣше потребы законъ не велить, и потому-что колокольню предполагаютъ строить по времени; посему нельзя быть по представленному плану, въ которомъ она входитъ въ связь капитальной стѣны церкви“.

4423. Резолюція отъ того же числа на консисторской справкѣ о дьячкѣ Николаевской, села Лихачева, церкви, Волоколамскаго уѣзда, Алексѣй Александровъ, который, по прошенію его, резолюціею преосвященнаго Николая, епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, 3 сентября 1834 г. переведенъ къ Успенской, села Алешкова, церкви, Коломенскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ церкви села Тимошева, Волоколамскаго уѣзда, запрещенный діаконъ Евграфъ Григорьевъ: „Какъ изъ хода происшествій видно, что Лихачевскій дьячекъ Александровъ, въ іюль подвергнутый слѣдствію за буйство, уклоняясь отъ сего, въ сентябрѣ выпросилъ себѣ другое мѣсто, безъ сомнѣнія, утаивъ отъ преосвященнаго викарія означенное дѣло: то учинить слѣдующее: 1) отъ мѣста Алешковскаго отрѣшить его; 2) выслать на мѣсто слѣдствія; 3) по окончаніи слѣдствія и суда опредѣлить, можетъ ли быть опредѣленъ куда-либо по духовному вѣдомству“.

4424. Резолюція отъ того же 24 октября на показаніи діакона Успенской, села Жилина, церкви, Бронницкаго уѣзда, Евпла Васильева о томъ, что въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, послѣ всенощнаго бдѣнія, онъ отправился къ братьямъ своимъ верстъ за пятьдесятъ, съ дозволенія священника, и возвратился въ Жилино 6 октября, у благочиннаго же не спрашивалъ дозволенія на отлучку, потому-что священникъ и прежде отпускалъ его самъ: „Виновать въ томъ, 1) что ушелъ отъ литургіи въ праздникъ безъ нужды; 2) что отлучился безъ вѣдома благочиннаго далеко; 3) въ томъ, что на позволеніе отъ священника удостоенія не представилъ. Посему послать его въ Берлоковскую пустынь, съ запрещеніемъ священнослуженія, въ труды на недѣлю, и обязать подпискою, чтобы не своевольствовалъ“.

4425. Резолюція отъ 27 октября на прошеніи воспитанника

Владимірской семинаріи Флегонта Соколова объ опредѣленіи его къ Вознесенской, Сергіева посада, церкви на священническое мѣсто, которое имѣеть быть празднымъ: „Веѣ мѣста имѣють быть празды: потому-что веѣ заняты людьми смертными. Но посему нельзя просить всякаго мѣста впередъ“.

4426. Резолюція отъ 1 ноября 1834 г. на прошеніи крестьянина деревни Лаврентьева, прихода церкви села Липитина, Серпуховскаго уѣзда, Макара Борисова о дозволеніи брака племянника его Никиты Денисова, глухого и нѣмого, съ крестьянкою дѣвицею Василисою Петровою: „Мѣстному священнику дознять, имѣеть ли женихъ здравый смыслъ и способность къ занятіямъ для пропитанія семейства: и есть ли сіе окажется, совершить бракъ, по употребленіи узаконенныхъ предосторожностей, и о послѣдующемъ репортовать съ приложеніемъ сего“.

4427. Резолюція отъ 3 ноября на консисторскомъ опредѣленіи о разрѣшеніи священно-церковно-служителямъ и прихожанамъ Николаевской, села Муромцева, церкви, Дмитровскаго уѣзда, построить, вмѣсто пришедшей въ ветхость деревянной, каменную церковь съ колокольнею на 15.000 рублей церковной суммы, по утвержденному комиссіею для строеній плану: „Какъ въ представленномъ планѣ куполь представляется довольно тяжелымъ и къ верху расширеннымъ; а потому въ исполненіи можно опасаться погрѣшности, для зданія вредной, тѣмъ болѣе, что въ построеніи сельскомъ нельзя надѣяться непрерывнаго архитектурскаго надзора: то отнестись отъ меня къ Его Сіятельству, дабы благоволено было разсмотрѣть, не признано ли будетъ за полезное сдѣлать въ семъ планѣ такія измѣненія, по которымъ построеніе было бы простѣе, а потому безопаснѣе отъ погрѣшности въ исполненіи, также и дешевле, такъ какъ извѣстно, что сельскіе приходы, предпринимая зданія выше своихъ способствъ, сборными книгами и сборщиками не мало затрудняютъ и духовное и гражданское начальство“.

4428. Резолюція отъ 9 ноября на консисторскомъ опредѣленіи: 1) о непочитаніи виновнымъ запрещеннаго священника Дмитріевской, г. Рузы, церкви Емилиана Тимоѣева въ доносимомъ на него діакономъ Василиемъ Евтропьевымъ и дьячкомъ Аѳанасіемъ Ивановымъ безчиніи въ церкви во время часовъ въ нетрезвомъ видѣ, какъ неосознавагося и свидѣтелями оправданнаго, и о вмѣненіи ему опредѣленія на причетническое мѣсто въ наказаніе за то, что явился въ духовное Правленіе въ нетрез-

вомъ видѣ; 2) объ отсылкѣ въ Иосифовъ монастырь не доказавшихъ своего доноса на священника дьячка на одинъ мѣсяць, а діакона на два мѣсяца еще за то, что 15 марта, не достоявъ часовъ, ушелъ изъ церкви безъ законной причины; 3) о сдѣланіи замѣчанія русскому духовному Правленію за вызовъ къ себѣ священника Тимоѣева сперва чрезъ діакона Евтропіева, а потомъ чрезъ сторожа, безъ повѣстки, почему Тимоѣевъ, неявившійся въ Правленіе, не долженъ въ этомъ считаться виновнымъ: „1) Священника и діакона признать, по показанію свидѣтелей, виновными въ томъ, что въ алтарѣ во время часовъ имѣли разговоръ столь громкій, что онъ былъ слышенъ, хотя не разслышанъ явственно, въ трапезѣ. 2) Посему священника противъ доноса оправданнымъ не считать, а только въ части доноса, именно въ пьянствѣ, недоказаннымъ; ибо показаніе свидѣтелей о его трезвости не имѣетъ полной силы, потому-что они свидѣтельствовали и объ отсутствіи соблазна, тогда какъ соблазнъ былъ; и потому-что нетрезвость священника другими обстоятельствами дѣла доказана. 3) Обнаруженныя вины запрещеннаго священника взять въ разсужденіе, когда будетъ просить разрѣшенія. 4) Діакона за шумъ въ алтарѣ и безвременный выходъ изъ церкви послать въ монастырь на три недѣли. 5) Духовное Правленіе въ словесномъ вызовѣ подсудимаго не винить; ибо нѣтъ никакого закона, который бы уполномочивалъ подчиненнаго не вѣрить словеснымъ приказаніямъ начальства“.

4429. Резолюція отъ 12 ноября на отвѣтныхъ пунктахъ Троицкаго, въ Зубовѣ, діакона Алексѣя Андреева по дѣлу о взысканіи съ него священникомъ церкви села Новаго, Дмитровскаго уѣзда, Иваномъ Ивановымъ денегъ приданныхъ за его дочерью: „Діаконъ поступаетъ не сообразно съ правотою и искренностью, прилично служителю алтаря. Ибо, 1) въ первомъ допросѣ не отвѣчалъ прямо и точно противъ прошенія, а уклонился въ посторонній предметъ объ опредѣленіи брата на свое мѣсто. 2) Во второй разъ отрекся отвѣчать подъ предлогомъ надобности справиться съ дѣломъ о статьѣ, которую легко было имѣть въ памяти безъ справки, вѣроятнѣе же съ намѣреніемъ выиграть время для совѣта съ кѣмъ-либо знающимъ приказныя хитрости. 3) Въ первомъ допросѣ отъ уплаты 1495 рублей отказывался одною только причиною, неимѣніемъ денегъ; слѣдственно не опровергалъ того, что платить долженъ; а во второмъ допросѣ сталъ опровергать сіе новыми изворотами.—Посему консисторіи

сдѣлать діакону увѣщаніе къ оставленію приказныхъ изворотовъ или добросовѣстному примиренію, и о послѣдующемъ представить, буде нужно, съ мнѣніемъ“.

4430. Резолюція отъ 14 ноября на выпискѣ изъ консисторскаго журнала объ отсылкѣ во 2-й департаментъ московскаго уѣзднаго Суда дѣла о взысканіи губернскимъ секретаремъ Петромъ Васильевымъ Гавриловымъ съ священника Покровской, села Мышинскаго, церкви, Серпуховскаго уѣзда, Павла Яковлева должныхъ ему, Гаврилову, 1.500 рублей, за уплатою 700 рублей ассигнаціями: „Какъ должникъ признаетъ себя должнымъ: то, по всей вѣроятности, свѣтскій Судъ требовать будетъ вычета изъ дохода: и потому отсылка дѣла туда не имѣла бы другого послѣдствія, кромѣ медленности. Притомъ священникъ обѣщался платить по 50 руб. въ годъ; и сего не исполнилъ. Посему: 1) до исполненія добровольно принятаго на себя обязательства запретить священнику священнослуженіе; 2) справиться, не получалъ ли священникъ на прежнемъ мѣстѣ вспомогательнаго оклада, и посему взять въ разсужденіе, можно ли вѣрить его скудости въ настоящемъ мѣстѣ, которое выбралъ какъ лучшее прежняго, и посему сдѣлать заключеніе въ предосторожность отъ безсовѣстнаго священникомъ уклоненія отъ уплаты долга“.

4431. Резолюція отъ 15 ноября на прошеніи исправляющаго причетническую должность запрещеннаго священника Николаевской, села Пятницкаго-Берендѣева, церкви, Звенигородскаго уѣзда, Павла Григорьева о возвращеніи ему прежнихъ его правъ, по примиреніи его съ женою и совершенномъ возобновленіи между ними добраго согласія, какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства, даннаго ему отъ мѣстнаго священника и благочиннаго: „Не видно, когда дано свидѣтельство; да и всего времени немного для удостовѣренія. Вразумить благочиннаго, что ему слѣдуетъ о состоящемъ подъ надзоромъ доносить начальству, а не подписывать свидѣтельства, самимъ поднадзорнымъ написанное, и безъ означенія времени“.

4432. Резолюція отъ 22 ноября на прошеніи московской мѣщанки, дѣвицы Матроны Осиповой о выдачѣ ей изъ консисторіи вида на жительство, ибо она не имѣетъ пристанища по неимѣнію вида, каковой прежде выдавалъ ей трехсвятительскій протоіерей Николай Друговъ: „Консисторіи 1) еще разъ объявить просительницѣ, что мѣщанкѣ письменнаго вида просить слѣдуетъ отъ гражданскаго начальства, которое, въ случаѣ надобности, мо-

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

26 августа.

№. 34.

1907 года.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, отъ 27 іюля за № 52, произведены за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ къ коллежскіе ассесоры—помощникъ инспектора Виѣанской дух. семинаріи *Лебедевъ*, съ 2 авг. 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники—надзиратель той же семинаріи *Молчановъ*, съ 24 ноября 1905 г.; въ коллежскіе регистраторы—экономъ той же семинаріи *Орловъ*, съ 21 іюня 1903 г.; утверждены въ чинахъ со старшинствомъ: коллежскаго ассесора—преподаватель Московскаго Филаретовскаго епархіальнаго женскаго училища *Горскій*, съ 25 авг. 1901 г.; коллежскаго секретаря—учитель Звенигородскаго дух. училища *Преображенскій*, съ 20 мая 1903 г.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ 4 авг. разрѣшено іеродіакона Гуслицкаго монастыря *Нила* рукоположить въ санъ іеромонаха, а монаха того же монастыря *Макарія* въ санъ іеродіакона.

Его Высокопреосвященствомъ 14 авг. разрѣшено іеродіакона Чудова монастыря *Севастіана* рукоположить въ санъ іеромонаха.

Опредѣлены:

- 1) На вакансію священника къ церкви с. Бѣлоусова, Верейскаго у., діаконъ той же церкви *Николай Любимовъ*, 10 авг.
- 2) На вакансію діакона къ церкви с. Хатуни, Серпух. у., учитель Гребневской церковно-приходской школы, Богород. у. *Михаиль Успенскій*, 14 авг.

3) На вакансію священника при церкви погоста Ивановскаго, на р. Ламѣ, Волоколамскаго у., учитель и преподаватель Закона Божія Климовской земской школы, Колом. у., Владиміръ *Некрасовъ*, 12 авг.

4) На вакансію священника къ церкви с. Татаринцева, Бронн. у., діаконь церкви с. Спасскаго-Тушина, Моск. у., Петръ *Цвѣтковъ*, 12 авг.

5) На штатную діаконую вакансію къ церкви с. Андреевскаго, Дмитровскаго уѣзда, діаконь-псаломщикъ той же церкви Павелъ *Баршевъ*, 12 авг.

6) На вакансію діакона къ церкви с. Покровскаго, Клинскаго у., псаломщикъ с. Глазова, Можайскаго у., Александръ *Архангельскій*, 12 авг.

7) На вакансію псаломщика къ Московской Иосифовской, что при богадѣльнѣ Гееръ, церкви и учитель Борисоглѣбской, гор. Коломны, церковно-приходской школы Николай *Аносинскій*, 14 августа.

Перемѣщены:

1) Смотритель Роменскаго духовнаго училища и настоятель соборной г. Роменъ церкви протоіерей Дмитрій *Дмитревскій* на вакансію настоятеля къ церкви при Московскомъ дворянскомъ институтѣ имени Императора Александра III въ память Императрицы Екатерины II, 14 авг.

2) Іеродиаконъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры *Филаретъ* въ число братства Чудова монастыря, съ рукоположеніемъ въ санъ іеромонаха, 14 авг.

Уволенъ за штатъ:

Діаконъ с. Хатуни, Серпух. у., Петръ *Никольскій*, согласно прошенію, 14 авг.

Исключены изъ списковъ умершіе:

1) Настоятельница Московскаго Ивановскаго монастыря игуменія *Филарета*, 9 авг.

2) Ризничій Московскаго Знаменскаго монастыря іеромонахъ *Сергій*, 3 авг.

НАГРАДЫ.

Его Высокопреосвященствомъ 12 авг. 1907 г. священникъ церкви с. Спасъ-Купли, Подольскаго у., Александръ *Ильинскій* за ревностную самоотверженную пастырскую дѣятельность на гражденъ, не въ примѣръ прочимъ, набадренникомъ и скуфьею.

Его Высокопреосвященствомъ 14 авг. священникъ Московской Неопалимовской, близъ Дѣвичьяго поля, церкви Иоаннъ *Троицкій* за усердное исполненіе пастырскихъ обязанностей награжденъ скуфьею.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Согласно резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 12 авг. за № 3408, симъ объявляется благодарность Московскаго Епархіальнаго Начальства потомственнымъ почетнымъ гражданамъ *Александрѣ и Власу Владиміровичамъ Шенковымъ* за пожертвованія на украшеніе и благоустройство храма въ с. Комягинѣ, Богородскаго уѣзда.

ВЪДОМОСТЬ

денежныхъ средствъ, поступившихъ въ Московскій Епархіальный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ.

(Продолженіе. См. № 33).

№№		Руб.	К.
690.	Чрезъ о. благочиннаго с. Озеръ, Коломенскаго уѣзда, протоіерея Н. Никольскаго—отъ церквей	36	3
691.	Чрезъ о. благочиннаго архимандрита Валентина отъ монастырей	28	77
692.	Чрезъ о. благочиннаго п. Борзцова, Коломенскаго у., священника І. Постникова—отъ церквей	21	—
693.	Чрезъ о. благочиннаго с. Шебанцева, Подольскаго у., протоіерея Н. Воскресенскаго—отъ церквей	24	9
694.	Чрезъ о. благочиннаго с. Маркова, Бронницкаго уѣзда, священ. І. Казанцева—отъ церквей	11	85
695.	Чрезъ о. благочиннаго Пречистенскаго сорока, священ. Е. Троицкаго—отъ церквей	63	67
696.	Отъ Страстнаго монастыря	12	—
697.	„ Зачатіевскаго монастыря	13	24
698.	„ Спасской, при Городскомъ работномъ домѣ, ц.	1	57
699.	„ Духосошестввенской, у Пречистенскихъ воротъ, ц.	—	91
700.	„ Богородицерождественской, что на Старомъ Симоновѣ, ц.	4	7
701.	„ Скорбященской, въ пріютѣ неизлѣчимо-больныхъ, церкви	1	—
702.	„ Троицкой, на Арбатѣ, ц.	3	80
703.	„ Троицкой, на Листахъ, ц.	9	—
704.	„ Воскресенской, въ Барашахъ, ц.	6	65
705.	„ Тихвинской, въ Малыхъ Лужникахъ, ц.	3	90
706.	„ Скорбященской, въ Яузской больницѣ, ц.	3	35
707.	„ Успенской, въ Гончарахъ, ц.	—	82

№№		Руб.	К.
708.	„ Тихвинской, въ Сущевъ, ц.	42	25
709.	Черезъ о. благочиннаго Ивановскаго сорока, протоіерея М. Геликонскаго—отъ церквей	58	81
710.	Отъ Александрo-Невской, при Мѣщанскомъ училищѣ, церкви	3	75
711.	Отъ Духосошестввенской, на Даниловскомъ кладбищѣ, церкви	4	—
712.	Черезъ о. благочиннаго п. Теремца, Серпуховскаго у., священника Н. Спасскаго—отъ церквей	10	—
713.	Отъ Никольскаго Единовѣрческаго монастыря	10	20
714.	Черезъ о. благочиннаго с. Козина, Звенигородскаго у., протоіерея Н. Бѣльева—отъ церквей	14	—
715.	Отъ Варваринской, на Варваркѣ, ц.	3	—
716.	„ Чудова монастыря	4	10
717.	„ Алексѣевского монастыря	19	30
718.	„ Николаевской, на Ямахѣ, ц.	3	15
719.	„ Вознесенской, за Серпуховскими воротами, ц.	15	—
720.	„ Алексѣевской, на Малой Алексѣевской ул., ц.	5	63
721.	„ Воскресенской, въ Гончарахъ, ц.	4	82
722.	„ Софійской, на Лубянкѣ, ц.	1	82
723.	„ Крестовоздвиженскаго жен. монастыря	1	30
724.	„ Спасской, въ Барыковской богадѣльнѣ, ц.	4	3
725.	„ Николаевской, въ Кошеляхъ, ц.	1	55
726.	„ Космо-Даміанской, въ Садовникахъ, ц.	82	—
727.	„ Николаевской, въ Гончарахъ, ц.	4	85
728.	„ Срѣтенскаго монастыря	5	33
729.	„ Богоявленскаго монастыря	11	68
730.	Черезъ о. благочиннаго Никитскаго сорока, протоіерея протоіерея М. Соболева—отъ церквей	50	27
731.	Черезъ о. благочиннаго с. Софьина, Бронницкаго уѣзда, священ. А. Никулинскаго—отъ церквей	38	32
732.	Отъ Борисоглѣбской, у Арбатскихъ воротъ, ц.	2	8
733.	Черезъ о. благочиннаго Китайскаго сорока, протоіерея К. Богоявленскаго—отъ церквей.	31	41
734.	Черезъ о. благочиннаго с. Трахонѣва, Московскаго у., священ. В. Глаголева—отъ церквей	32	91
735.	Отъ Николаевской, при д. Куракиныхъ, ц.	17	—
736.	„ Скорбященской, въ Бахрушинской больницѣ ц.	3	54
737.	„ Георгіевской, на Лубянкѣ, ц.	1	13
738.	„ Дмитріевской, въ Голицынской больницѣ, ц.	15	—
739.	„ Саввинской, на Саввинской улицѣ, церкви	3	31
740.	„ Ивановскаго дѣвичьяго монастыря	44	36
741.	„ Иоанновской, на Калужской улицѣ, ц.	18	30
742.	„ Сергіевской, въ Пушкиряхъ, ц.	4	34
743.	Черезъ о. благочиннаго с. Черемушки, Московскаго у., священника І. Забавина—отъ церквей.	47	81
744.	Отъ Климентьевской, на Пятницкой ул., ц.	35	70

№№		Руб.	К.
745.	Троицкой, что на Воробьевыхъ горахъ, ц.	2	—
746.	Варваринской, на Варваркѣ, ц.	3	23
747.	Никитской, за Яузой, ц.	3	—
748.	Тихвинской, въ Сущевъ, ц.	7	50
749.	Преображенской, во Спасской, ц.	29	28
650.	Храма Христа Спасителя	38	7
751.	Григоріе-Богословской, г. Москвы, ц.	6	30
752.	Сергіевской, въ Рогожской, ц.	20	65
753.	Черезъ о. благочиннаго Замоскворѣцкаго сорока, протоіеря Н. Копьева—отъ церквей	93	2
754.	Отъ Успенской, на Крутицахъ, ц.	16	3
755.	Отъ Воскресенской, въ Екатерининской богадѣльнѣ, ц.	8	22
756.	Отъ Николаевской, въ д. призрѣнія бр. Боевыхъ, ц.	7	76
757.	Черезъ о. благочиннаго с. Останкина, Московскаго у., протоіеря С. Леонардова—отъ церквей	60	75
758.	Отъ Вознесенскаго монастыря	7	87
759.	Отъ Вознесенской, на Гороховомъ полѣ, ц.	20	73
760.	Отъ Николаевской, въ Плотникахъ, ц.	17	44
761.	Воскресенской, въ Малой Бронной, ц.	8	24
762.	Флоро-Лаврской, на Мясищской, ц.	1	75
763.	Успенской, въ Кожевникахъ, ц.	5	9
764.	Успенской, с. Жилина, ц., Бронницкаго у.	6	25
765.	Зачатіевскаго монастыря.	8	24
766.	Успенской, Боголѣповой пустыни, Клинскаго у.	1	76
767.	Николо-Угрѣшскаго монастыря.	15	—
768.	Николаевской, на Студенцѣ, ц.	3	—
769.	Троицкой, с. Троицкаго-Сельцы, ц., Москов. у.	3	—
770.	Сергіевской, на Б. Дмитровкѣ, ц.	2	—
771.	Троицкой, въ Сыромятникахъ, ц.	6	70
772.	Воскресенской, въ Барашахъ, ц.	11	45
773.	Троицкой, въ Кожевникахъ, ц.	7	50
774.	Николаевской, въ Новой слободѣ, ц.	25	—
775.	Похвальской, въ Башмаковѣ, ц.	3	60
776.	Ильинской, с. Левкова, ц., Дмитровскаго у.	4	—
777.	Саввинской, на Саввинской улицѣ, ц.	187	6
778.	Московской Духовной Семинаріи	8	64
779.	Алексѣевскаго монастыря	17	85
780.	Михаило-Архангельской, с. Станиславки, ц., Подольскаго у.	5	—
781.	Николаевской, на Ямахъ, ц.	3	2
782.	Троицкой, въ Большихъ Лужникахъ, ц.	12	60
783.	Воскресенской, въ Таганкѣ, ц.	17	30
784.	Троицкой, въ Бахрушинскомъ пріютѣ, ц.	11	—
785.	Духосошестввенской, на Даниловскомъ кладбищѣ, ц.	4	—
786.	Успенской, въ Печатникахъ, ц.	7	53
787.	Троицкой, въ Вишнякахъ, ц.	2	66
788.	Успенской, на Покровкѣ, ц.	8	68

№№		Руб.	К.
789.	» Введенской, на Лубянкѣ, ц.	3	25
800.	» Параскевievской, въ Охотномъ ряду, ц.	5	1
801.	» Троицкой, на Листахъ, ц.	6	50
802.	» Василевской, въ Новой деревнѣ, ц.	15	—
803.	» Софiйской, на Лубянкѣ, ц.	3	51
804.	» Покровской, въ Левшинѣ, ц.	2	50
805.	» Сорокасвятской, у Новоспаскаго монастыря, ц.	30	52
806.	» Успенской, въ Гончарахъ, ц.	—	60
807.	» Скорбященской, въ Яузской больницѣ, ц.	2	86
808.	» Николо-Покровской ц.	48	24
809.	» Троицкой, на Арбатѣ, ц.	4	73
810.	» Богоявленской, въ Елоховѣ, ц.	21	75
811.	» Никольскаго Единобърческаго монастыря.	1	62
812.	» Марiе-Магдалинской, при 1-й Городской бол. ц.	2	26
813.	» Николаевской, въ Заяицкомъ, ц.	12	—
814.	» Стефановской, при богад. Москов. дворянства, ц.	17	—
815.	» Троицкой, на Шаболовкѣ, ц.	8	—
816.	» Богоявленскаго монастыря	9	5
817.	» Предтечевской, въ Старой Конюшенной, ц.	6	34
818.	» Воскресенской, въ Гончарахъ	5	6
819.	» Троицкой, въ приотѣ Песаревны Марiи, ц.	4	—
820.	» Духосшественной, у Пречистенскихъ вор. ц.	—	85
821.	» Мартиновской, на Б. Алексѣвской у., ц.	12	30
822.	» Аннинской, въ Мазуринской богадѣльнѣ, ц.	6	42
823.	» Николаевской, въ Котельникахъ, ц.	3	—
824.	» Всѣхсвятскаго Единобърческаго ж. монастыря	10	10
825.	» Вознесенской, за Серпуховскими воротами, ц.	14	50
826.	» Срѣтенскаго монастыря	5	37
827.	Чрезъ о. благочиннаго г. Бронницъ, протоіерея В. Толгскаго—отъ церквей	93	72
828.	Чрезъ о. благочиннаго Богородскаго у., священника А. Холмогорова—отъ церквей.	277	66
829.	Отъ Преображенской, с. Слѣпушкова, ц., Верейск. у.	1	20
830.	Отъ Вознесенской, г. Воскресенска, ц., Звенигор. у.	6	—
831.	Отъ Космо-Даміанской, с. Алешина, ц., Бронн. у.	1	85
832.	Отъ Богородицерождественской, с. Дютькова, ц., Верейскаго у.	5	60
833.	Чрезъ о. благочиннаго Серпуховскаго у., священника А. Дмитревскаго—отъ церквей	100	—
834.	Отъ церкви с. Бурцева, Верейскаго у.	2	85
835.	Отъ Богородицерождественской, с. Дютькова, ц., Верейскаго у.	6	30
836.	Отъ Успенской, г. Клина, ц.	3	—
837.	Отъ Успенской, с. Обухова, ц., Клинскаго у.	2	—
838.	Чрезъ о. благочиннаго Верейскаго у., священ. Н. Соловьева—отъ Благовѣщенской, с. Благовѣщенскаго, ц.	8	—
839.	Отъ Преображенской, с. Спасъ-Заумскъ, Клинскаго у.	10	25

№№		Руб.	К.
840.	Отъ Вознесенской, с. Рѣчиць, ц. Бронницкаго у.	1	50
841.	Отъ Борисо-Глѣбско-Аносина монастыря.	2	70
842.	Черезъ о. благочиннаго г. Подольска священ. С. Лев- киевскаго—отъ церквей	10	—
843.	Отъ Михаило-Архангельской, с. Кубинскаго, ц., Ве- рейскаго у.	10	70
844.	Отъ Спасской, с. Спасскаго-Тенешова, ц., Клин. у.	4	70
845.	Черезъ о. благочиннаго Богородскаго у., священ. М. Ро- занова—отъ церквей	28	40
846.	Черезъ о. благочиннаго Звенигородскаго у., священника С. Владиславлева—отъ церквей	4	29
847.	Черезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у., священ. Г. Гу- сева—отъ церквей	45	31
848.	Черезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у., священ. П. Прео- браженскаго—отъ церквей	35	78
849.	Черезъ о. благочиннаго Клинскаго у., священника А. Львова—отъ церквей	29	80
850.	Черезъ о. благочиннаго Рузскаго у. священ. П. Цвѣт- кова—отъ церквей	85	7
851.	Черезъ о. благочиннаго Звенигородскаго у., священника С. Владиславлева—отъ церквей	3	—
852.	Черезъ о. благочиннаго Подольскаго у., священ. Н. Не- красова—отъ церквей	21	25
853.	Черезъ о. благочиннаго архимандрита Валентина отъ мо- настырей	47	48
854.	Черезъ о. благочиннаго Коломенскаго у., священника І. Постникова—отъ церквей	13	25
855.	Черезъ о. благочиннаго Коломенскаго у., священ. І. Кар- пова—отъ церквей	16	78
856.	Черезъ о. благочиннаго Клинскаго у., священника І. Мазурова—отъ церквей	41	35
857.	Черезъ о. благочиннаго Можайскаго у., священ. П. Реми- зова—отъ церквей	16	70
858.	Черезъ о. благочиннаго Звенигородскаго у., священника Е. Доброва—отъ церквей	14	93
859.	Черезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у., священ. Р. Ве- селовскаго—отъ церквей	27	89
860.	Черезъ о. благочиннаго г. Коломны, протоіерея А. Ле- бедева—отъ церквей	27	3
861.	Черезъ о. благочиннаго Богородскаго у., протоіерея М. Розанова—отъ церквей	27	68
862.	Отъ Борисоглѣбской, на Поварской, ц.	1	20
863.	Отъ Алексіевской, на М. Алексѣвской ул. ц.	10	53
864.	Отъ Успенской, на Могильцахъ, ц.	21	76
865.	Отъ Знаменской, на Знаменкѣ, ц.	1	50
866.	Отъ Богородицержождественской, на Старомъ Симоновѣ, церкви	2	53

№№	Руб.	К.
867. Отъ Николаевской, въ Дербентскомъ, ц.	4	—
868. Чрезъ о. благочиннаго Ивановскаго сорока, протоіерей М. Геликонскаго—отъ церквей	48	63
869. Чрезъ о. благочиннаго Московскаго у., свящ. Н. Де- лкторскаго—отъ церквей.	17	10
870. Чрезъ Московскую Духовную Консисторію—отъ благо- чинныхъ	203	50
871. Отъ Борисоглѣбской, у Арбатскихъ воротъ. ц.	1	87
872. Отъ Вознесенской, на Царицынской улицѣ, церкви	7	21
873. Отъ Покровскаго монастыря.	6	94
874. „ Воскресенской, въ Монетчикахъ, ц.	7	7
875. „ Никитской, въ Татарской, ц.	1	66
876. „ Спасо-Преображенской, на Болвановкѣ, ц.	9	80
877. „ Сергіевской, въ Пункаряхъ, ц.	3	64
878. „ Чудова монастыря.	7	33
879. „ Казанскаго собора.	6	90
880. „ Александро-Невской, при Мѣщанскомъ училищѣ, ц.	2	10
881. „ Высоко-Петровскаго монастыря.	5	31
882. „ Успенской, на Остоженкѣ, ц.	9	17
883. Чрезъ о. благочиннаго Срѣтенскаго сорока протоіерей В. Остроухова—отъ церквей.	115	41
884. Отъ Троицкой, при д. Каменкѣ, ц., Богородскаго у.	1	—
885. „ Успенской, г. Клина, ц.	5	—
886. „ Преображенской, с. Спасъ-Заулокъ, церкви, Клин- скаго уѣзда.	11	—
887. „ Вознесенской, с. Еремѣва, ц., Звенигородскаго у.	1	—
888. „ Космо-Даміанской, с. Алешина, ц., Бронн. у.	—	85
889. „ Преображенской, с. Крюкова, ц., Верейскаго у.	9	11
890. „ Спасо-Бородинскаго монастыря.	6	50
891. „ Петровской, с. Петровскаго, ц., Верейскаго у.	3	—
892. „ Троицкой, с. Чашникова, ц., Московскаго у.	4	—
893. „ Николаевской, что на Баршевкѣ, ц., Бронн. у.	—	8
894. „ Воскресенской, с. Ашиткова, ц., Бронницкаго у.	8	52
895. Чрезъ о. благочиннаго Коломенскаго уѣзда священника І. Постникова—отъ церквей	11	—

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе. Высочайшій приказъ.—Распоряженія Епархіальнаго Нача-
лства.—Награды.—Благодарность Епархіальнаго Начальства.—Вѣдомость денеж-
ныхъ средствъ, поступившихъ въ Московскій Епархіальный Комитетъ для сбора
пожертвованій въ пользу голодающихъ.

Цензоръ

Редакторъ Секретарь Консисторіи

Протоіерей Н. Извъновъ.

П. Беллавинъ.